

Анфиса Ширшова

Метка

Черного Солнца

18+

Анфиса Ширшова

Метка Черного Солнца

«Автор»

2026

Ширшова А.

Метка Черного Солнца / А. Ширшова — «Автор», 2026

Фэйт живет в Трионе, мире мойр, и никогда не должна была попасть в Академию Черного Солнца, где учатся смертные. Но на ее запястье внезапно появляется метка избранных, и она, будучи полукровкой, должна отдать долг миру людей. Очень скоро мойра понимает, что Академия — не самое гостеприимное место. Студентов будут поить ядами, терзать их разум, рубить мечами и хоронить на заднем дворе самых слабых из них. Она вступает в конфликт с первородными, которых все считают лучшими воинами империи, и забывает о покое на все время обучения. Фэйт предстоит столкнуться с опасными существами, которых нет в мире мойр, и познать гнев Мэддокса, мастера по зверинцу, недовольного ее невежеством. Однако вскоре неприязнь Мэда сменяется иным чувством... Только он не знает, что в его мире Фэйт — лишь временная гостья.

© Ширшова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анфиса Ширшова

Метка Черного Солнца

Пролог

Чумазая девчушка с копной темно-каштановых волос, в которых застряли короткие веточки и жухлые листья, схватилась за широкий ствол старого сухого дерева и осторожно выглянула. Один бледно-голубой глаз прикрыла непослушная прядь волос, но взгляд второго был устремлен на черный зев пещеры, где недавно скрылись три старухи: Клото, Лахесис и Атропос.

Девочка знала, что ждать ей недолго. И правда. Не успели ее маленькие ножки устать, как женщины в длинных балахонах вышли на свет, и одна из них несла в руках большой желтовато-розовый пузырь, покрытый паутинообразной сетью вен и наполненный жидкостью. Старухи двигались неторопливо и направлялись к каменному алтарю, где уже лежал кинжал с резной ручкой.

— Фэйт, — услышала девчушка скрипучий и тихий, словно шелест сухих веток под ногами, голос Атропос. — Снова подглядываешь.

Троица редко разговаривала с ней, поэтому девочке мгновенно стало страшно. Она вцепилась в ствол так, будто он смог бы спасти ее от гнева старух, хотя следовало бы уносить отсюда ноги.

— Смотри, раз пришла, — вдруг сурово добавила одна из сестер и схватилась за кинжал.

Пузырь уложили на каменное ложе, и Фэйт заметила, как что-то внутри него заколыхалось, а затем уперлось чем-то небольшим в розоватую стенку. Девочка зажала рот грязной ладошкой, а одна из Верховных мойр занесла над пузырем кинжал и уверенным движением пронзила его. С камня вдруг закапала жидкость, а стенки пузыря печально обвисли, одновременно облепив то, что находилось внутри.

— Явись же нам, — глухо проговорила Клото. — Явись в наш мир, мойра.

Они достали из остатков пузыря склизкого ребенка, обтерли тряпицей и завернули в серый платок.

— Новая жизнь в человеческом мире, — едва слышно произнесла Лахесис, удерживая младенца на руках. — И новая мойра здесь, в Трионе.

Никто из них не подал вида, что они заметили Фэйт, неслышно подбежавшую к каменному алтарю.

— Я родилась в той же пещере? — спросила она, не сдержав детского любопытства.

— Нет, — отрезала Клото, вытирая кинжал и укладывая его обратно на алтарь. — Ты не такая, как мы.

— Такая, такая! — разволновалась девчушка. — Я тоже мойра!

— Лишь наполовину, — процедила старуха и поджала губы, оглядывая буйную шевелюру Фэйт. — Таких, как ты, называют недородками.

Девочка заревела, услышав обидное слово, и младенец ей вторил. Верховные мойры унесли ребенка, оставив заикающуюся от плача Фэйт у алтаря. Когда силы совсем оставили ее, она опустилась на землю у большого камня и, прижав ладошку к траве, провалилась в беспокойный сон.

Глава 1

Мир мойр — Трион — скрыт от глаз всех живых существ. Это лишь тень человеческого мира на краю империи Черного Солнца. Попасть сюда кому-то, кроме мойр, невозможно. Да и те выходят на свет только в случаях крайней необходимости.

Сегодня Трион покинули десять мойр — всех их гнал в империю инстинкт. Инстинкт защитить своего смертного. Фэйт забралась на скалу над входом в пещеру и с высоты наблюдала за тем, как десять серых теней скользнули в зев, разверзнутый священной горой мойр. Там, в самых ее недрах, скрывались Верховные мойры, которые днем и ночью плели нить жизни, прерываясь лишь на рождение новых мойр.

Фэйт же была *недородком*. Станным существом, которое не было ни мойрой, ни человеком, но одновременно и тем, и другим. Половина одного вида и половина другого. Так случилось, когда мойра, влекомая инстинктом спасти своего человека, уходила в мир людей и спаривалась там с мужчиной — связанным с ней смертным, который единственный мог увидеть ее и которому она не могла отказать, а затем производила на свет дочь. Фэйт не появилась в этом мире тем же путем, как и остальные мойры, и именно это сделало ее недородком. Кожа ее была такой же бледной, как и у остальных мойр, живущих в теневом мире, но волосы, на первый взгляд кажущиеся темными, все же имели медный отлив. Цвет глаз тоже отличался. У мойр он всегда был лишь черным, а у Фэйт — необычным светло-голубым, будто почти прозрачный лед. Отличалась она от жителей Триона и нравом. Мойры скользили по тихим улочкам тенями, а она всегда высоко поднимала голову и осматривалась так, будто могла увидеть здесь что-то новое.

Любопытство — черта, которая была чужда населению мира мойр.

Фэйт не была единственной в своем роде, и все же недородки были редкими существами в Трионе, и их не любили. Ни матери, которые произвели их на свет, ни Верховные мойры. Последние относились к ним, как к грязи. Но однажды придумали для таких, как Фэйт, важную миссию.

На заре возникновения Триона Клото, Атропос и Лахесис создали Дозорных — защитников мира мойр. Прообразом для них послужили мужчины империи — выносливые и смелые воины. Зачем они нужны в мире, куда не пробраться смертным? На этот вопрос Верховные мойры наверняка не ответили бы, додумайся кто-то обратиться к ним. Но, раз старухи некогда приняли такое решение, значит, Дозорные и правда были необходимы Триону. Их-то учениками и стали недородки — Фэйт и ей подобные девушки. Дозорные делали из них воинов, изнуряя долгими тренировками и подвергая чудовищным перегрузкам. Считалось, что недородки не могут быть так же искусны в бою, как истинные мойры, которые были воительницами с рождения, поэтому на их обучение отводилось немало времени.

Но немногочисленные воины Триона не были такими же равнодушными, как все мойры. Иногда кто-то из Дозорных уводил девушек-полукровок в свои комнаты, и Фэйт отлично знала, чем они там занимались. Но лишь со слов ее подруг. Недавно ей исполнилось восемнадцать, а участь познать Дозорного пока обошла ее стороной.

— У них есть потребность, — несколько лет назад путано объясняла Эйдель Фэйт. Она вернулась в их общую комнату под утро, и серые глаза ее до сих пор странно блестели. — Потребность получить наслаждение. И это... чудесно, — выдохнула девушка. — Жаль, что им это нужно слишком уж редко.

— Разве ты не боишься произвести на свет еще одного недорodka? — испуганно спросила Фэйт у старшей подруги.

Эйдель взъерошила ее и без того буйные пряди.

— Дозорные бесплодны, дурочка. Срок их жизни не больше людского, а новые воины зарождаются в недрах священной горы по воле Верховных мойр.

— Значит, они созданы по подобию смертных мужчин, — пробормотала Фэйт. — Тем тоже нужно... наслаждение?

— Откуда же мне знать? Быть может, оказавшись в империи, я это выясню, — подмигнула подруга. — Если мой смертный почувствует тягу ко мне.

Попасть в империю Черного Солнца можно было, только услышав зов. У каждой мойры был свой смертный, с чьей судьбой она была связана. Мойра ощущала нити его жизни и чувствовала опасность, которая ему грозила. Именно в такие моменты она могла покинуть Трион, чтобы попытаться предотвратить его гибель. Ведь стоит человеку умереть, как его мойра тоже уходила из жизни.

Не всем недородкам удавалось ощутить нити жизни своего смертного, но Фэйт посчастливилось ухватить эту связь. Она не знала, кто был *ее* человеком — парень или девушка, но временами чувствовала плавное течение его жизни. Если бы он погиб в младенчестве, она бы тоже не выжила. Но пока что ему ничего не грозило, а значит, покидать Трион у Фэйт не было причины.

Чего нельзя было сказать о многих других мойрах. Иногда они уходили из Триона дюжинами, и это случалось потому, что империя Черного Солнца едва ли не постоянно находилась в условиях войны с Доминатом — государством *экзоров*. Обе стороны сражались за территории и блага, только воины императора защищали свои земли, а экзоры жаждали лишь поглощать и уничтожать. Но земли империи защищал могущественный правитель.

Император Черное Солнце.

Наместник бога на земле.

Бога, имя которого никто никогда не знал.

Глава 2

Дозорный в коричневой форме и с черным плащом за спиной размахивал кинжалом с чудовищной скоростью. Фэйт едва успевала уворачиваться и с трудом отбивалась собственным клинком. Ножи и мечи были ее самым нелюбимым оружием. То ли дело копье мойр — древнее орудие, которое сотни лет назад выковали в недрах священной горы из редкого металла с удивительными свойствами. Это копье складывалось в почти незаметную полую трубку, которую мойры носили приколотой к поясу. В случае опасности оно легко раздвигалось до нужных размеров, а его наконечники с обеих сторон были настолько острыми, что с легкостью пробивали даже горную породу.

Этому оружию не было равных в мире людей, и, если бы такое копье каким-то образом попало в руки человека, он бы не смог воспользоваться им, ведь оно слушалось лишь мойр.

Фэйт зря отвлеклась на мысли о копье. Дозорный сделал выпад, и ее предплечье вдруг обожгло болью. Она невольно отшатнулась и опустила взгляд на левую руку. Рукав ее костюма был порван, и уже начал пропитываться кровью.

— Плохо, — ровным голосом произнес мужчина, глядя на нее светло-серыми глазами, в которых не отражалась ни одна эмоция.

— Ненавижу клинки, — сквозь зубы прошипела Фэйт, пятясь от Дозорного.

— Еще раз, — приказал он и встал в боевую стойку.

— Проклятье...

Едва она успела произнести это, как мужчина замахнулся своим оружием, и ей пришлось в ту же секунду поднять свое. Металл ударился о металл с неприятным лязгом прямо напротив лица Фэйт. Воин навалился на нее всем телом, словно и вправду решил разрубить ее пополам. В ее планы это не входило. Она пнула мужчину между ног, пользуясь тем, что он широко расставил их, напирая на нее.

Дозорный округлил глаза и согнулся пополам, забыв о своем оружии. Фэйт подхватил его клинок и подкинула вверх, чтобы через секунду ловко поймать за рукоять.

— Победа, — выдохнула она, метнула нож в обитую деревом стену, и, не глядя больше на воина, покинула тренировочный зал.

Ветер, метавшийся по улочкам Триона, ударил ее в лицо и вцепился в темные непослушные волосы. Фэйт позволила ему эту шалость, а сама мельком взглянула на раненую руку. Порез уже затянулся, и кровь больше не сочилась. Мир мойр был милосерден к своим созданиям и никогда не позволил бы им погибнуть. Другое дело, если умирал человек, связанный с мойрой. В этом случае Трион был бессилен. *Такова судьба...* Нити жизни неумолимо рвались.

На улицах Триона было чисто и тихо. Стоило серому небу окраситься в насыщенно-свинцовый, как все мойры запирались в домах, готовясь ко сну и ожидая наступления нового дня. Их жилища были скромными и скучными, а голоса скрипучими и тихими — разговаривать им было непривычно. Неудивительно, что полукровки среди истинных мойр были все равно что бельмо на глазу: слишком шумные, слишком яркие, слишком странные. Все в них было не так, а многое еще и казалось чуждым для Триона. Но они приспособились, сбились в кучу, стали жить вместе и помогать Дозорным обходить владения. Не то чтобы в этом была такая уж необходимость: мир мойр был серым и спокойным. Но Верховные мойры чтити порядок, и поэтому остальные беспрекословно следовали древним заветам.

Фэйт умылась и переделалась в свободный комбинезон из мягкой ткани, готовясь ко сну. Циновка рядом с ней пустовала, но девушка знала, что Эйдель вот-вот придет. Быть может, опять осталась с Дозорным...

Подруга вернулась спустя недолгое время, но Фэйт быстро стало ясно, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Дель не улыбалась так, как это обычно бывало. Ее лицо застыло маской напряжения и страха, а движения сделались резкими и рваными.

— Что с тобой? — садясь на циновке, выпалила Фэйт, не сводя глаз с подруги.

— Зов, — после небольшой паузы выдохнула та.

Эйдель собирала вещи. Быстро, почти не глядя бросала в небольшой заплечный мешок из грубой ткани что-то из одежды и белья.

— Твой смертный в опасности? — ощутив страх, который словно хищник вцепился в ее спину, ахнула Фэйт.

— Да. Но время еще есть. Я попробую... Попробую все остановить.

Дель замерла, глядя в окно на свинцовое небо, а потом перевела серьезный взгляд на Фэйт.

— Этому невозможно сопротивляться, — тихо произнесла она, забрасывая мешок за плечо. — Это такая же потребность, как дышать или ходить. Даже сильнее. Желание спасти его — все, что имеет для меня значение.

Она даже не попрощалась с Фэйт. Не обняла, не дождалась подбадривающих слов. Эйдель, будто истинная мойра, стала собранной, серьезной и отстраненной. Она покинула их с Фэйт жилище и даже не обернулась к подруге, словно та больше не существовала для нее.

Год спустя

Жизнь Фэйт была подчинена привычному до оскомины распорядку: утром бег в гору вместе с Дозорными и другими недородками, скудный завтрак из выращиваемых мойрами овощей, рукопашный бой и бой на мечях, затем чтение старинных книг в библиотеке Верховных мойр, помощь на огороде или с новорожденными, ужин, похожий на завтрак, и сон. Иногда поздно вечером Фэйт вновь шла в библиотеку и упрямо продиралась через непонятный почерк кого-то из Верховных старух. Она знала, что они были недовольны тем, что недородок касается их книг, но и не запрещали этого делать. Познавать мир через записи было разрешено всем. Но Фэйт читала медленно, с трудом разбирая острый почерк и слова, написанные бледно-синими чернилами.

Эйдель так и не вернулась в Трион, и это значило, что ее больше нет. А ведь она была для Фэйт не просто подругой, а почти сестрой. Новая эмоция — скорбь — поглотила девушку целиком, вынуждая закрыться от остальных и отдать себя на растерзание этому чувству. Удивительно, но это сделало ее похожей на истинных мойр. Те тоже не любили общаться.

Фэйт зажгла еще одну свечу, решив как следует рассмотреть рисунок на очередной открытой странице. Это было изображение императора Черное Солнце. Точнее, его наряда. Потому что лицо правителя было скрыто темной маской с единственными двумя прорезями для глаз.

Пальцы девушки коснулись темных чернил. Штаны и рубашка правителя с надетым поверх нее защитным жилетом — все было в черных и коричневых тонах. Пояс украшен янтарного оттенка камнями и ножами с многочисленными клинками и серпами.

— Император Черное Солнце, — тихо произнесла Фэйт. — Наместник бога на земле...

Теперь она знала, что этот бог защищает земли от разрушительной силы экзоров. Стоит им наводнить империю, как жить на этих территориях станет невозможно. Экзоры вытягивают жизненные силы не только из людей, но и из земли, оставляя за собой выжженные бесплодные поля, навеки покрытые пеплом. В этом пепле они и живут.

Фэйт с удивлением узнала, что у экзоров нет мойр. Ведь у этих существ, внешне очень похожих на людей, нет души и нет нитей жизни. На очередной странице в книге Верховных мойр Фэйт нашла изображение экзора: болезненно бледный лысый человек с четко выражен-

ными мышцами на теле. Глаза мутного молочного оттенка с темным ободком вокруг радужки, тонкие губы, почти плоские носы.

«Это не человек, — решила Фэйт, разглядывая врага империи, — это человекоподобное существо. Порождение хаоса и страшная ошибка природы».

Но экзоры обладали разумом и были известны своими кровожадностью и яростью. Питаться и истреблять — вот их кредо. Слишком сильные, слишком злобные существа стали жуткими воинами, с легкостью перемалывающими людей императора во время войн и набегов.

На их стороне были всевозможные твари: крупные волчьи псы с двумя мордами, драконоподобные ядовитые змеи в половину роста человека, пауки-гиганты и другие многоногие монстры. Экзоры жили по ту сторону от реки лавы, разделяющей Империю и их Доминат. Для людей нахождение вблизи такой реки смертельно, но экзоры с легкостью пересекали ее на своих монстрах.

Спасало Империю лишь численное превосходство людей над экзорами, но, будь все иначе, порождения хаоса давно бы лишили жизненной силы не только земли, но и всех, кто ее населяет, а еще стали бы причиной гибели каждой мойры.

Фэйт вновь взглянула на нарисованного карандашом могучего экзора. Врага, из-за которого наверняка погибла и ее близкая подруга.

Глава 3

Может быть, у нее развилась паранойя? Фэйт закрыла глаза и покрутила в пальцах кинжал с тонким лезвием, которое они называли жалом, а затем обернулась и вновь столкнулась с пристальным взглядом Дозорного.

Нет. Ей определенно не кажется. Сколько уже прошло времени? Дней десять? Киллиан уделял ей слишком много внимания: брал ее в партнеры во время поединков два на два, упорно исправлял хват на мече, следил за каждым ее движением во время рукопашных боев. Он был едва ли старше нее самой, скорее всего, они даже одного возраста. Фэйт быстро взглянула на него и отвела глаза. Вроде бы симпатичный... И сильный. Ей нравилось, когда он вел занятия в жилете без рукавов — тогда она имела возможность время от времени пялиться на его бугрящиеся мышцы.

Фэйт выдохнула, а затем сдула с глаз непослушную прядку волос. Эйдель предупреждала, что так будет. У таких, как они, в какой-то момент начинает появляться интерес к противоположному полу, и никакого отношения к дружбе он не имеет.

«Это инстинкт, — повторила про себя слова подруги Фэйт. — Это значит, что мы живее мойр».

Она оглядела тренировочный зал. Вокруг занимались такие же девушки, как она сама, — недородки Триона. Возраст у всех был разный: кому-то едва исполнилось десять, а кто-то уже перешагнул порог в тридцать прожитых лет. Но недородков было ничтожно мало по сравнению с мойрами, населяющими эти земли. Жалкая кучка... Впрочем, такая ли уж жалкая? Дозорные неплохо их натаскали.

Фэйт так сильно отвлеклась на свои мысли, что не заметила, как закончилось занятие. Все покинули помещение, остались только Киллиан и сама Фэйт. Она убрала оружие на место и еще раз окинула комнату взглядом. Девушки всегда тщательно следили за порядком, и задерживаться больше не было необходимости.

Она уже собралась направиться к двери, как Киллиан вдруг пошел напрямик в ее сторону. Чуть отросшие светло-каштановые волосы, правильные черты лица без намека на растительность на подбородке. Фэйт молча наблюдала за его приближением, но сердце ее выдавало. Оно билось слишком быстро. Не так, как обычно.

Эмоции — признак живых.

Киллиан взял ее за руку, глядя строго в ее голубые глаза, и потянул за собой. Он ничего не говорил, что было неудивительно для Дозорного — они не любили болтовню. И все же его пронзительный взгляд не оставлял сомнений. Из всех девушек, которых они обучали, он выбрал ее. Выбрал Фэйт, чтобы...

— Я еще никогда... — выпалила она, следуя за ним по узкому коридору в крыло, где жили Дозорные.

Вокруг было тихо, словно в комнатах не скрывалось ни души, но она знала, что некоторые Дозорные сейчас находились в отведенных им спальнях.

— Я тоже, — негромко сказал Киллиан, но голос его был спокойным, словно он ни капли не волновался.

На самом деле так оно и было, а вот у Фэйт от страха уже задрожали пальцы. Не то чтобы она не хотела того, что сейчас должно было произойти. Ей уже девятнадцать, и тело некоторое время подавало ей сигналы о том, что есть и другая сторона привычной жизни. Есть что-то, что ей нужно познать. Так почему бы не сделать это с красивым, словно древняя статуя у входа в пещеру Верховных мойр, Киллианом?

— Только давай не будем спешить, — попросила Фэйт, когда он аккуратно прикрыл за ними дверь в его скромное жилище.

Комната оказалась узкой и словно необжитой. Все, что здесь было, — это простая постель с коричневым вязаным пледом сверху.

— Хорошо, — спокойно согласился Киллиан, но его взгляд был прикован к лицу Фэйт.

Он медленно расстегнул ремень на брюках и вынул его из петель. После этого парень расстегнул ремни по бокам жилета и избавился от вещи, оставшись перед Фэйт обнаженным по пояс. Она сдавленно выдохнула, глядя на его твердый пресс. Идеальный образец мужчины.

Девушка сняла простую бежевую рубашку через голову, решив не возиться с пуговицами, а затем стащила с ног ботинки и серые штаны. Она стояла перед ним в одном белье, но действовать дальше не решалась. Хотя Дель в подробностях рассказывала ей, что происходило в спальне Дозорного.

Фэйт ожидала чего угодно, но уж точно не того, что Киллиан вдруг приблизиться к ней вплотную и начнет неумело ее целовать. Она ответила ему таким же неуверенным поцелуем, а затем ощутила на своей спине его теплые ладони. Ее тело начало оживать в его руках. Он делал все так, как она попросила. Медленно, не торопя события. В какой-то момент ей показалось, что он тоже наслаждается этим процессом — знакомством их тел.

Но кульминация была неизбежна, Фэйт это знала. Она стойко стерпела боль, а оставшееся время боролась с недоумением и даже обидой на Дель. То, чем они с Киллианом занимались, ей больше не хотелось повторять примерно никогда.

Она не спала полночи, вспоминая случившееся и свои чувства, а утром, после короткого и беспокойного сна, проснулась с грызущим ощущением пустоты в самом центре груди.

Фэйт не слышала человека, с которым была соединена нитями судьбы. Ее связь с ним пропала. Оборвалась. Резко, необъяснимо. Жутко. Ей стало страшно. Почему дар подвел ее? Она всегда гордилась тем, что испытывала то, что чувствовали все истинные мойры. Ей нравилось ощущать тепло и легкое натяжение нитей, ведущих к *ее* человеку. Это было ее собственным продолжением, ее *природой*. Даром. И вдруг что-то лишило ее этого. Человеческая кровь взяла верх? Но почему сейчас? Почему все эти годы она была почти такой же, как и остальные мойры, а теперь стала бесполезной?

Она не сможет спасти связанного с ней, потому что больше не ощущает нить его жизни. Если он вдруг умрет, она тоже внезапно погибнет, и никто в Трионе о ней не вспомнит. Разве что Киллиан... Когда захочет повторить то, чем они вчера занимались.

Но мысли о Дозорном быстро испарились из головы Фэйт. Ее захлестнула тревога — склизкая, горьковатая, медленно, но упрямо разрывающая нутро шипами. Что ей теперь делать? Пойти к Верховым мойрам? Признаться, что она утратила дар, который они и так считали недостойным ее? Но был ли смысл сдаваться старухам? Они никогда не горели желанием помочь хоть кому-то в Трионе, что уж говорить о недородке.

И Фэйт решила молчать, потому что, даже если старухи и знали какой-то способ вернуть связь с человеком, они наверняка ничего бы ей не сказали. Так зачем подвергать себя ненужному унижению?

Однако не прошло и нескольких месяцев, как у Фэйт появилась проблема гораздо серьезнее предыдущей. И вновь ее принес ей рассвет. Однажды она проснулась с меткой на теле. Черный круг на правом запястье — ни смыть, ни стереть. Фэйт даже попыталась разрезать ставшую черной кожу ножом, но метка словно была заговоренной. Дело было плохо. Метка жгла ее изнутри все сильнее с каждым днем, и девушка вынуждена была отправиться в пещеру Верховных мойр.

Лахесис сидела за резной прялкой, а мириады нитей под ее узловатыми пальцами мерцали, словно светлячки на стенах пещеры. Здесь пахло древностью и самим временем. Божественными намерениями и неотвратимостью судьбы. Фэйт стало не по себе.

— Клото? — неуверенно позвала она, заметив, что приземистая старуха возится около огромной плетеной корзины.

Женщина выпрямилась. Тело ее осталось неподвижным, а голова неестественно повернулась в сторону Фэйт. Девушка потеряла черную метку и уставилась в лицо без единой морщины, но с печатью древности, которое не позволяло видеть в Верховной мойре молодую женщину.

— Пришла? — спросила она так, словно уже давно ожидала появления Фэйт.

— Я... Да. Кое-что случилось.

Фэйт покусала губы. Она была уверена, что черный круг на ее коже связан с утраченным даром мойры, иначе и быть не могло. Правда, ни от кого она прежде не слышала о каких-то особых метках, так неужели только ей так не повезло?

— Что тебя привело? — прокаркала Атропос, зловеще щелкнув ржавыми ножницами.

Фэйт вздрогнула. Этот металлический звук с противным скрипом в конце только что завершил чью-то жизнь. Нить была обрезана, а человек и его мойра только что навеки перестали дышать. И последняя в эти секунды рассыпалась в прах где-то в своем жилище в Трионе.

— Я утратила свой дар три месяца назад, — выпалила девушка, на пару мгновений прикрыв глаза. — А недавно на моем запястье появилась метка.

Лаксис продолжала прясть, а Клото и Атропос обернулись друг к другу и словно вели немой диалог. На их лицах не отражалась ни одна эмоция, и сейчас Фэйт ненавидела это особенно остро. Неведение лишало ее остатков бывшего спокойствия. Она невольно задумалась: а так ли уж плохо быть равнодушной мойрой? Так ли уж непривлекательно ни о чем не волноваться?

— Утратила дар... Не чувствуешь связь с человеком?

— Это случилось внезапно. Как будто по щелчку, — растерянно произнесла Фэйт.

Клото подошла ближе. От нее веяло холодом и затхлостью, пылью времени и страхом тысяч человеческих душ. Ее темный балахон напоминал густую тень, которая клубилась вокруг ее тела и скрывала истинный облик.

Когда руки Фэйт коснулись ее ледяные узловатые пальцы, девушка ощутила противную дрожь, будто опустила кисть в пасть жадного до плоти чудовища.

— Метка Черного Солнца, — сухим, словно треск веток, голосом произнесла она и с безразличностью выпустила запястье Фэйт.

Старухи вернулись к привычным делам, будто сказанное не имело ровным счетом никакого значения.

Но у Фэйт перед глазами все поплыло. Она много читала об императоре Черное Солнце, но она ведь... она же не могла им стать!

— Что все это значит? — громко спросила она, и ее голос эхом разнесся под сводами пещеры, многократно повторяя последнее слово. — Разве я могу быть императором?

Лаксис хрипло закаркала, и девушка не сразу поняла, что старуха смеется.

— Мойры не могут получить силы Черного Солнца, — отрезала Клото.

— Но ведь я больше не чувствую...

— Это не значит, что ты перестала быть мойрой.

— Тогда что это, пекло его заberi, за круг на моей коже? — едва не закричала Фэйт.

— Метка, — после небольшой паузы сказала Атропос, натягивая между пальцами мерцающую нить. Она поднесла к ней свои большие ножницы, но перерезать жизнь не спешила. — Семьдесят лет прошло с тех пор, как на небе появлялся черный диск.

— Как силы бога передавались следующему императору, — добавила Клото.

— Пришло время сменить телесную оболочку, — равнодушно сказала Лаксис.

— Император скоро умрет? — ахнула Фэйт, наконец осознав то, о чем говорили старухи.

— Уж пора бы. Тот, что правит империей сейчас, живет на свете уже девяносто два года. Это близко к человеческому пределу.

Из книг Фэйт узнала, что черный диск появлялся на небе в разные периоды, обычно они длились от семидесяти до ста лет. Должно быть, все зависело от жизненных сил и судьбы избранного императора. Но большинство из них жили довольно долго.

— Но как тогда его метка появилась на моем запястье? — все равно не понимала она главного.

— Ты — не избранная для божественных сил, — отрезала Атропос. — Но тебя... — Видно было, что старуха не хочет этого говорить, но и утаить не имела права. — Черное Солнце отчего-то выбрало тебя, как, впрочем, и сотню других людей для верного служения будущему императору.

— Жжет? — спросила Клото, указав на запястье Фэйт.

Та кивнула, прижимая руку к бедру.

— Значит, уже пора, — равнодушно бросила Лахесис, споро работая руками.

— Тебе придется выйти в мир людей, — снизошла до пояснения Клото. — Ты отправишься в столицу — город Гелиадор и пойдешь туда, куда поведет тебя метка.

— Но ведь я могу уйти из Триона только для спасения связанного со мной! — воскликнула Фэйт. — Нам всю жизнь внушали, что мир людей убивает мойр. Мы не можем в нем выжить!

Атропос страшно закашлялась и внезапно выплюнула на пол четыре склизких комка. Фэйт шарахнулась в сторону, округлив глаза.

— Мы не вправе тебя удерживать. Но твой срок в Гелиадоре конечен, — каркнула Атропос. — Лишь на то время, пока на твоей коже остается метка. Она сойдет спустя три смены человеческих месяцев. Но за каждые тридцать рассветов в империи ты должна приносить жертву.

По шее Фэйт пробежал холодок, при том, что руку по-прежнему страшно пекло.

— Какую? Я должна кого-то убить? — отступая от старух подальше, прошептала она.

— Нет. Ты будешь умирать сама, — сказала Клото, растягивая темные губы в подобии усмешки.

Глава 4

За проемом, выдолбленном в каменной стене просторной пещеры, взвыли *рино* — новые особи зверинца Академии. Мэддокс, зевая, сел на постели, которой ему служил природный выступ, накрытый шкурами животных, и поежился. Спал он обычно полуобнаженным — в одних только мягких просторных штанах. И делал он это осознанно, стараясь приучить свое тело к постоянной прохладе пещеры.

Тем приятнее было наконец принять вертикальное положение и сделать десяток приседаний, чувствуя, как разгоняется по венам кровь, а затем выбежать на поляну у зверинца и не меньше полусотни раз отжаться прямо от земли.

— Тогу! Райя! — прикрикнул он на своих новых питомцев, отряхивая руки от травы. Рино наострили крошечные уши, так неподходящие их огромным головам, и озадаченно уставились на Мэддокса. — Не орать, мать вашу. Вы теперь не какие-то дикари из непроходимых лесов! Вы — звери Академии императора.

Парень перевел указательный палец с самки на самца и одарил рино грозным взглядом. Тогу переступил грузными ногами, больше похожими на пеньки от старых деревьев, и утробно рыкнул.

— Ты поспорить со мной решил? — Мэд уперся ладонями в твердый торс и неторопливо приблизился к самцу. Некоторое время они сверлили друг друга взглядами, и Тогу сдался первым. Моргнул, после чего взглянул на Мэддокса даже немного виновато. — То-то же.

Мэд хлопнул зверя по носу на вытянутой морде, подхватил с земли оранжевую тыкву и замахнулся. Тогу радостно разинул гигантскую пасть с редкими крупными зубами, и Мэд бросил в нее угощение. Рино принялся перемалывать его, а Райя разразилась гулким ворчанием.

— Не волнуйся, завтрака я тебя не лишу. Но прошу об одном — просыпайтесь хотя бы на полчаса позже, ладно? Вы и днем дрыхнете, а у меня дел по горло.

До завтрака в обеденном зале Академии Мэд успел почистить вольер рино и отдать распоряжения по уходу за другими животными своим помощникам. Все готовились к прибытию избранных, впрочем, в зверинце работа кипела постоянно, ведь за животными нужен ежедневный уход. Но этот набор студентов должен был стать легендарным. Впервые за семьдесят лет в Академию придут отмеченные будущим императором молодые воины. Их ждет пристальное внимание преподавательского состава и военачальников нынешнего императора, доживающего свои последние три месяца.

Мэд хмурился, пока переодевался к завтраку и смывал с себя не очень приятные запахи вольера. Он тоже некогда учился в Академии, но поступил сюда с огромным трудом. На отборочных испытаниях некоторые *мастера* в лицо заявляли ему, что он слишком слаб для элитных войск императора. Может быть, на тот момент так оно и было, но Мэддокс Корвин все же поступил. И, вероятно, благодарить за это стоило как раз-таки свой зверинец. У Мэда обнаружился яркий талант к взаимодействию со зверьем — те почти беспрекословно его слушались, а это критически важно в разгар битвы с экзорами или их прихвостнями.

Три месяца он учился в Академии и три года провел на службе у императора, будучи распределенным во всадники. За это время он участвовал в дюжине крупных сражений и десятке легких стычек с отрядами *визгунов*. Хороший опыт. Наверное, поэтому его и призвали в Академию. Отмеченных самим будущим императором должны обучать только лучшие. И все же он не был Верховным мастером, а лишь его помощником. Впрочем, это лишь номинально, а по факту Мэд взвалил на себя все обязанности смотрителя зверинца и того самого Верховного, который слишком уж пристрастился к огненному напитку и большую часть времени дрых где-нибудь на задворках вольеров самых спокойных животных.

Мэддокс покинул свою пещеру в скале рядом со зверинцем и пересек широкий двор, на противоположном конце которого находилось построенное из камня здание Академии. Он с легкостью потянул на себя крупное металлическое кольцо, прибитое к массивной деревянной двери, и горько усмехнулся. В первые дни пребывания здесь он едва мог справиться с таким простым действием. Забавно. Новобранец, метящий в элитные войска императора, с трудом распахивал дверь в Академию. Но тогда забавным ему это не казалось. Благо, те времена прошли, а от худого нищего парнишки мало что осталось.

— Мастер Корвин, — услышал он сбоку трескучий голос мастера Чипли — пожилой преподавательницы, специализирующейся на ядах.

Мэд закончил обучение чуть больше трех лет назад, но до сих пор с содроганием вспоминал ее издевательства над новобранцами, которые маскировались под занятия. Впрочем, эти уроки на выживание действительно были необходимы солдатам императора, но об этом парень узнал чуть позже, когда попал на службу.

Однако, прибыв в Академию несколько недель назад, Мэддокс неизменно старался сесть как можно дальше от Чипли, поскольку ему казалось, что от нее разит сладковатым духом, напоминавшим запах тухлого мяса, политого сиропом, — так пах самый жуткий яд, который ему пришлось выпить на ее занятии в качестве наказания. Он тогда помог одному пареньку отобрать нужные ингредиенты для зелья, и Чипли это разозлило.

— Доброе утро, — кивнул он, даже не попытавшись улыбнуться.

Зато женщина растянула бледные губы в усмешке и поправила пучок пепельных волос, стянутых черной лентой. Она решила, что отправиться в обеденный зал в компании бывшего ученика, едва не отдавшего концы из-за ее яда, — это очень удачная мысль. Но Мэддокс не спорил. Пусть семенит рядом, приноравливаясь к его широкому шагу. Он был уверен, что ей нет дела до того, кого она едва не отравила. Внешность ее была довольно обманчивой. Чипли казалась добродушной и даже простоватой дамочкой, которая с готовностью поможет разобраться неумехам в зельях и противоядиях. Но это была большая ошибка. Улыбалась она только потому, что предвкушала пытки над новыми подопытными.

— Как думаете, что сегодня на завтрак? — спросила она Мэддокса, и тот едва не сбился с шага.

Они как раз подошли к невысокой лестнице, ведущей прямоком к обеденному залу с длинными деревянными столами. Чипли протянула ему морщинистую ладонь и улыбнулась, обнажив ряд желтоватых, но ровных зубов. Мэддоксу бросился в глаза цвет ее десен — жуткий темно-бордовый оттенок. Дамочка всегда была не в себе и ежедневно дегустировала свои яды, веря в то, что за долгие годы ее организм приспособится к отраве, и никакое зелье повлиять на нее не сможет. Кажется, она оказалась права.

— Поможете забраться? — кокетливо спросила она, кивнув на первую высокую ступеньку.

— Разумеется, — сказал Мэд и взялся за ее ладонь. Его снова передернуло, но преподавательнице это, кажется, понравилось. Она понимала, как действует на тех, кто познал ее истинную суть. Но Мэддокс решил отвлечь ее от этих мыслей. — Завтрак наверняка ничем нас не удивит. В Академии строгий распорядок, и никаких изысков мы не дождемся. Думаю, сегодня нас накормят кашей и пирогом из...

— А вот и нет! — выпалила мастер Чипли и дальше уже сама резво понеслась по лестнице. — Я узнавала, сегодня подадут тыквенный пудинг и овсяное печенье. Тыквы и овса уродилось немало, вчера была крупная поставка, и наши амбары полны.

— Да... Это же привезли и моим животным, — протянул Мэд, а Чипли это заявление почему-то не понравилось.

Она сморщила нос и первой вошла в обеденный зал. В высокие стрельчатые окна заглядывали самые бойкие лучи утреннего солнца. В этот час они хорошо освещали стол преподава-

телей, которых новобранцы обычно называли мастерами. Один стул уже занял Гринт Арморсен — мастер по оружию и рукопашному бою. Именно он некогда заявил Мэддоксу в глаза, что тот слишком хил для элитных войск. Сейчас он лишь сухо здоровался с Мэдом или обменивался парой предложений по грядущей совместной работе, но о слабости больше не заговаривал. Уж этому вояке было отлично известно, в каких передрягах побывал Корвин и из какой задницы вытаскивал парней из своего отряда.

Агнесс Чипли под села к Гринту и принялась что-то жизнерадостно щебетать, хотя лицо мужчины оставалось хмурым. Мэд занял место в конце стола и подвинул к себе тарелку с трясущимся светло-желтым пудингом. Порция была щедрой, что не могло не радовать, ведь силы сегодня понадобятся. Нужно было объездить парочку рино и заодно с их помощью вспахать поле для тренировочных битв. А еще подготовить план занятий для Верховного мастера Прутта, который с вечера залил глаза вместо ужина, да и завтракать предпочитал жидкостями, а не тыквенным пудингом.

— Приятного аппетита, мастер Корвин, — пропела за его спиной Эмирея Нозис — преподавательница по внушению. Мэд состроил кислую мину своей тарелке, но постарался ответить довольно любезно. — А где же мастер Прутт?

— Готовится к прибытию избранных новобранцев, — легко соврал Мэд, потянувшись к деревянному кубку с ягодным взваром.

— Ну конечно, — понимающе закивала Нозис, заняв место рядом с Корвином.

Она была старше него лет на пятнадцать, но выглядела эффектно, хоть и пугающе. Эта женщина была ничуть не лучше Чипли, но, в отличие от любительницы ядов, Эмирея, кажется, не испытывала удовлетворения от воздействия на студентов, просто делала свое дело. Высокая, худая, с коротко подстриженными смоляными волосами, она являлась обладательницей чудовищной силы. Нозис виртуозно владела гипнозом и могла внушить человеку практически что угодно.

Не хватало лишь Огастуса Эвервинда — мастера по истории империи Черного Солнца. Принимать пищу мужчина предпочитал исключительно в отведенных ему покоях.

А пока Мэд заканчивал с завтраком, в обеденный зал подтянулись и другие мастера — помощники пяти Верховных, такие же, как и сам Корвин. Ведь справиться с сотней новобранцев, которых разделят на пять групп, Чипли, Арморсен, Прутт и Нозис с Эвервиндом своими силами точно не смогли бы.

Уже у выхода из зала Мэда нагнал Арморсен.

— Где Прутт? — уточнил мастер по оружию у помощника Верховного.

— Он... занят, — ответил Мэд, продолжая спускаться по лестнице.

— Ясно, — процедил Гринт, резким движением зачесав назад довольно длинные русые волосы. — Аякс решил, что его назначение в Академию — это возможность отдохнуть и сдаться своей слабости? Ладно, попрошу Чипли приготовить для него *смесь*. Желание упиаться огненной водой на пару месяцев точно отобьет. — Мужчина закусил зубочистку и сквозь зубы процедил: — Надеюсь, сердце у него выдержит.

— Нет, — сразу же ответил Мэддокс, мельком глянув на мастера. — Яд Чипли его убьет.

— Это не яд в прямом смысле... — начал было Арморсен, но Корвин его перебил:

— Знаю. Это вытяжка из кожи пустынных жаб в сочетании с горным лютником. Я же мастер по зверинцу императора, вы не забыли? Многие яды готовят с использованием жидкостей, выделяемых животными. Приходится разбираться и в этом направлении. Так что я могу вас уверить, Прутт не выживет, решите вы дать ему эту настойку. Он... плох. Вам ведь это известно.

В одной из последних битв Прутта окружили экзоры, убив его верного либарда. Порождения хаоса едва не выпили все жизненные силы Верховного мастера, но отряд Арморсена успел снести головы экзорам, пировавшем на теле Прутта. Его удалось вернуть с того света, но

Аякс более не был тем здоровым и мощным мужчиной, что лично объезжал самых норовистых и буйных зверей. Левая его рука усохла и нелепо болталась вдоль тела, а одна нога едва его слушалась. Отныне Аякс изо дня в день боролся со своей немощью. А когда сил бороться уже не оставалось, он пил, чтобы забыться и мысленно вернуться в те времена, когда всадники с благоговением слушали рассказы о его подвигах.

— И как же предлагаете поступить, мастер Корвин? — прищулив блеклые серые глаза, поинтересовался Арморсен.

Мэддокс легко распахнул массивную дверь, придержав ее для прославленного воина, и уверенно ответил:

— Просто оставьте его в покое. С остальным я разберусь сам.

Глава 5

Клото с силой сжала ладонь Фэйт прохладными, словно стены пещеры, пальцами, и девушка окаменела, чувствуя, как внутри будто начинает разгораться испепеляющее пламя. Несколько секунд Фэйт стояла прямо, но внезапно ноги ее начали подрагивать, руки затряслись, а на лбу вздулась вена. Она согнулась пополам, раскрыв рот в немом крике. Она горела заживо. Горела изнутри. Пальцы Фэйт царапали грудь так, словно она хотела пробраться внутрь и потушить адское пламя, уничтожавшее ее внутренности. Но все было тщетно.

Клото отдернула руку и удовлетворенно сказала:

— Каждый седьмой день каждого месяца, проведенного в Гелиадоре, ты будешь находиться на грани жизни и смерти. Такова плата за то, что покинешь Трион не по предназначению мойры.

Фэйт упала на колени и с хрипом втянула воздух в легкие. Боль стихала постепенно, с неохотой выпуская из своих когтей ее внутренности. Как она это переживет? Трион не позволял мойрам мучиться, залечивая раны почти мгновенно. Но Гелиадор не столь милостив, а к чужеродным существам — мойрам — и вовсе не проявит доброты.

— В дни расплаты схоронись от посторонних глаз, — каркнула Атропос. — Никто не должен знать, что ты — мойра. Береги свой секрет пуще жизни.

— Коли проболтаешься, тебе же хуже, — добавила Клото. — Люди тебя изведут или сочтут умалишенной. Они считают мойр существами из сказаний и легенд.

Фэйт поднялась на ноги и уперла ладони в колени. Отголоски пожара до сих пор тлели в груди, отчего было больно дышать.

— Значит, я должна пройти обучение, чтобы попасть в личные войска будущего императора? Но там я все равно не останусь, я же наполовину мойра и в Гелиадоре не выживу. Что будет, если я не отвечу на призыв метки?

— Она тебя испепелит, — равнодушно бросила Лахесис. — Не целиком. Оставит половину тела. Трион не позволит тебе умереть, но прежней ты уже не будешь.

— Проклятье, — сквозь зубы выдохнула Фэйт. — Тогда я ухожу. Прямо сейчас?

— Иди, — буркнула Клото. — Я проведу тебя через скалу.

— А вещи?

— Ну так собери, если нужно.

Вновь выругавшись сквозь зубы, девушка побежала к своему жилищу, которое делила с другими недородками. По пути ей встретился Киллиан, но они не обмолвились и словом, однако он остановился и некоторое время смотрел ей вслед. Она этого даже не заметила.

Побросав в заплечный мешок кое-что из белья и личных вещей, Фэйт вернулась в пещеру и около минуты переминалась с ноги на ногу, ожидая, пока Клото соизволит встать с деревянной скамьи. Когда старуха наконец направилась вглубь пещеры, освещенной разве что крошечными тельцами светлячков — единственных существ, которые здесь обитали, Фэйт с трудом подавила желание положить ладонь ей на плечо, опасаясь свернуть себе шею в такой темноте.

— У меня наверняка спросят, откуда я, — внезапно всполошилась девушка. — Что я должна сказать?

Клото долго молчала, и Фэйт уже решила, что ответа не дождется, как вдруг старуха проскрипела:

— Дунскрейт.

— Дунскрейт? «Крепость теней»? — удивилась Фэйт.

— Была такая деревушка неподалеку от гор, разделяющих Трион и мир людей, — пробурчала Клото. Когда же они дошли до тупика — цельной каменной стены в конце одного из

туннелей, — старуха развернулась к девушке и строго произнесла: — Иди же, Фэйт Граймс, собственность Триона. Храни свою тайну и вернись в положенный срок.

— А вдруг в какой-то момент я почувствую связь со смертным? — в панике выпалила она. — Вдруг ему будет грозить опасность? Как мне быть?

— Не волнуйся. Инстинкт мойры решит все за тебя, — буркнула старуха и подтолкнула полукровку к монолитной стене.

— Но что мне...

Договорить Фэйт не успела. Ее ладонь, только что дотронувшаяся до сыроватого камня, вдруг провалилась куда-то вперед, а следом из скалы вылетела и сама девушка. Поймав равновесие, она обернулась, но ни Клото, ни туннеля уже не увидела.

Ничего. Трион исчез.

За ее спиной была монолитная скала, снизу укрытая мхом. Фэйт посмотрела прямо и поняла, что оказалась в лесу рядом с горной грядой. Метка вспыхнула с новой силой, и девушка поморщилась. Черный диск на коже словно подгонял ее вперед. Торопил.

И вот тут Фэйт обратила внимание на небо. Оно не было серым, как в Трионе, и вечно покрытым тяжелыми свинцовыми облаками. Здесь оно оказалось чудесного золотисто-розового оттенка, плавно перетекающего в нежный голубой. Девушка восхищенно таращилась в небо, вдруг остро осознав, какое все вокруг красочное. В мире мойр каждая вещь, каждое растение словно были чуть присыпаны пеплом: сероватые, пожухшие, незаметные. Все краски из Триона будто выкачали и отправили сюда — в империю.

Но ведь это не должно было ее удивлять. Мир мойр — это тень мира людского. Там нет эмоций, боли и жизни. Все это здесь — в том месте, где она теперь оказалась.

На небе между тем появился ломтик огромного оранжевого тела — рассветного солнца. Фэйт сощурилась от ярких лучей, заплывавших на поверхности скалы и на ее одежде. Эти солнечные блики были теплыми, хотя поймать их она никак не могла.

— Чудесное место, — прошептала Фэйт, наконец сделав первые шаги в новом мире.

В последний раз обернувшись туда, откуда она пришла, девушка запомнила раздвоенную горную сосну и каменную глыбу, лежавшую на боку неподалеку. Они стали ее ориентирами для возвращения в Трион.

☼☼☼

Половину дня Фэйт провела в дороге: шла через лес, а затем по едва заметной тропе. Она не могла сказать, в правильном ли направлении движется, но что-то глубоко внутри подсказывало ей, что чутье ведет ее верно. Или же не чутье, а метка Черного Солнца.

Вскоре Фэйт сделала неприятное открытие: в этом мире она слишком быстро устает. Ноги непривычно гудели от долгой прогулки, а голову пекло от удивительно жарких солнечных лучей. Девушка расстегнула пару пуговиц на свободной серой рубашке и с трудом сглотнула пересохшим горлом. Что она там говорила? Что это чудесное место? Не поторопилась ли с выводами?..

По прошествии еще нескольких часов она увидела вдалеке поселение: низкая каменная стена по периметру, соломенные крыши и легкий дымок. Тропа стала шире и четче, словно в этих местах частенько ходили люди. Фэйт ощутила приятное волнение и ускорила шаг. Но, когда до поселения оставалось не больше нескольких десятков метров, она заметила повозку, запряженную крупным животным с длинной шеей и ногами. Такие в Трионе не водились, но, кажется, Фэйт видела его в одной из книг Верховных мойр. Конь. Похоже, так звался этот зверь.

Она остановилась, сойдя в траву, и ждала, когда повозка проедет мимо, но животное внезапно замедлило шаг, подчиняясь хлысту человека, сидевшего на месте кучера. В телеге обнаружили еще двое: молодая девушка с короткими рыжеватыми волосами и хмурый парень с широким носом и близко посаженными глазами. Девчонка что-то сказала, обращаясь к старику на козлах, и ловко спрыгнула на землю. Повозка остановилась, а Фэйт слишком поздно

заметила, что парень и девчонка смотрят на ее запястье с меткой Черного Солнца — Фэйт было жарко, и она закатала рукава рубашки.

— Ты тоже держишь путь в Академию? — воскликнула девушка и протянула ей ладонь. Фэйт с осторожностью ее приняла. — Меня зовут Сакáри, а это Хаксли, мой... хороший друг.

Хмурый Хаксли тоже прыгнул с повозки и расправил широченные плечи. Парень был приземистым и, кажется, чудовищно сильным. Сакари же, напротив, оказалась хрупкой и даже худой, с длинными руками и тощими ногами. Но у нее было милое и приятное лицо с доброй улыбкой.

— Я Фэйт, — наконец подала голос девушка. — У вас тоже есть метка?

Ребята одновременно закатали рукава и показали ей черные круги. Фэйт задумчиво кивнула.

— Откуда ты? — с неподдельным интересом спросила Сакари, невольно посмотрев за спину Фэйт, но там был сплошной лес.

Из головы, как назло, вылетело название деревушки, сказанное ей Клото.

— М-м... Дунскрейт, — выпалила Фэйт, надеясь, что название она не исковеркала.

Старик, сидевший на козлах и тоже спустившийся размять ноги, удивленно крикнул.

— Да ну? Это ж деревня-призрак! Неужто там еще кто-то живет?

— Призрак? — воскликнула Сакари, округлив глаза и ткнув равнодушного к этим сведениям Хаксли локтем.

— Так уж лет сто назад рядом с Дунскрейтом было побоище! Воины императора против горстки экзоров и визгунов. Деревеньке тогда сильно досталось. Те, чьи дома все же уцелели, вроде как тоже покинули насиженное место. Одним-то не выжить.

— Не все оставили Дунскрейт, — пробормотала Фэйт, мысленно «поблагодарив» Клото. — Сейчас там живут... несколько семей.

— Как же ты добиралась, девонька? — не отставал старик. — Путь-то не близкий. Дунскрейт строили на холмах.

— Я шла пешком. Лошадей у нас нет. И повозок тоже.

— Едем с нами! — радостно предложила Сакари, схватив Фэйт за руку. — Ты, наверное, мало что знаешь о столице, а мы как раз тебе расскажем. — Тут девушка изменилась в лице, а на ее коже проступил неровный румянец. — Я не хотела тебя оскорбить! И вовсе не имела в виду, что ты непроходимая деревенщина...

Хаксли покачал головой и глухо что-то проворчал, но Фэйт ее слова нисколько не смутили. В первую очередь потому, что, в общем-то, девчонка была права — она не знала, что сейчас происходило в империи.

— Спасибо. Я приму твоё приглашение, Сакари.

— Ты не подумай, мы с Хаксли сами выросли в деревне! А в столице бывали всего-то пару раз.

— Наведывались же в прошлом месяце, — пробасил ее дружок, впервые подав голос. — Или ты имеешь в виду пару раз за этот сезон расцвета?

Сакари шикнула на него, потянула Фэйт за собой к повозке и даже помогла той залезть на душистое сено, хотя в этом не было необходимости.

— Мы вынуждены ездить в Гелиадор на ярмарки, где продаем свои товары. Вот, — она достала из кармана глиняное сердце, окрашенное в насыщенный бордовый, и протянула его Фэйт. — Жительницы столицы обожают такие бесполезные вещички.

— Красиво, — с интересом вглядываясь в изделие, выдохнула Фэйт. Таких безделушек в Трионе не водилось.

— Забирай, — улыбнулась Сакари, довольная похвалой новой знакомой.

— Правда? — удивилась Фэйт.

— Да. Это... предложение дружбы, — робко глянув на девушку, произнесла Сакари. Повозка качнулась и покатила по тропе. — Думаю, нам всем будет чуточку легче, если мы станем поддерживать друг друга в Академии.

— Сакари, — не очень довольнo прогудел Хаксли, — ты же знаешь, что новобранцы стараются заключить как можно более выгодные союзы.

— Я — невыгодный? — спросила Фэйт, нахмурившись и переводя непонимающий взгляд с одного на другую.

— Хак! — разозлилась девчонка и снова покраснела. — А ты надеешься, что станешь закадычным другом отпрыска из Семьи первородных? Это по меньшей мере наивно! Мы там никому не нужны. Все деревенские всегда болтаются в самом низу рейтинга.

— Что за рейтинг? И что за первородные? — заерзав на сене и вперившись взглядом в Сакари, выпалила Фэйт.

Ей отчаянно хотелось узнать больше.

Узнать все.

☼☼☼

Глаза Сакари радостно блеснули. Похоже, она была не прочь поболтать, а Фэйт это было только на руку. Старухи не потрудились как следует объяснить ей, что именно ждет ее в Гелиадоре и этой самой Академии.

— Ух, с чего бы начать? — устраиваясь поудобнее, выпалила девушка.

— Начни с первородных, — проскрипел с козел старик.

— Да, так будет правильно. Первородные — это семьи, которые были приближенными к самому первому императору Черное Солнце. Только представь, насколько это древние фамильные линии! Им почти тысяча лет.

— И члены этих семей из столетия в столетие помогают каждому новому императору, — пробасил Хаксли. — Им даровали право управлять несколькими доменами империи. Старфеллы владели Талгартom, где добывают драгоценные камни и металлы. Блэкриджи заседали в Сбластире — плодородных и богатых землях. Корк же отдали в руки Эллингтонов. Там проживает много искусных ремесленников. А замок императора находится в Гелиадоре, но и в домены он навевдывается нередко.

— Потомки первородных семей и сейчас управляют этими территориями, — кивнула Сакари. — Живущий ныне император счел это удобным и не стал ничего менять. Но, как ты наверняка знаешь, Черное Солнце или бог, благословляющий наши земли, может снизойти на любого жителя империи. Так случилось с четвертым в истории императором. Он, как поговаривают, был из бедняков, и страшно невзлюбил первородных. Тогда-то и случился первый раскол, который очень сплотил эти знатные семьи.

— Поговаривают? — задумчиво протянула Фэйт. — Выходит, происхождение избранного императора неизвестно?

Ребята переглянулись, а мойра постучала пальцем по губам, кое-что припоминая. В книгах Верховных мойр она когда-то прочла, что облик императора Черное Солнце не оставался в памяти ни у одного человека. А все потому, что ...

— Он обладает божественной силой, — продолжила Сакари. — И может приказать забыть о том, кто он. Недаром в книгах император всегда изображен в черной маске, в которой есть лишь прорези для глаз. Все это нужно для того, чтобы люди запоминали лишь его силу, а не оболочку, которая каждое столетие избирается вновь.

— Как это работает? Как император внушает остальным то, что ему нужно?

— С помощью голоса. Но он... не такой, как у обычного человека, — поежившись, ответила девушка. — Болтают, что он будто бы сильнее людского в сотню раз. Низкий, грубый... Он подавляет волю, лишает разума.

Фэйт медленно кивнула, а потом спросила:

— Почему же тогда он не уничтожит экзоров с помощью голоса?

Хаксли кашлянул и ответил:

— Они же ни черта не слышат.

— Вот как?

— А ты и правда вылезла из глубокой задницы, — отметил парень.

— Хак! — ахнула Сакари, но его слова никак не задели Фэйт.

— Я не читала об этом ни в одной книге. Как же тогда экзоры общаются? У них ведь есть собственные армии...

— Это не армии, а стада, — зло выплюнул Хаксли. — Эти недолюди... недородки будто копируют поведение человека. Но по природе своей они лишь кровожадные хищники, не способные на те чувства, что испытывают люди.

Недородки... Это слово отдалось в сердце Фэйт тупой болью. Интересно, узнай Хаксли о том, что перед ним наполовину мойра, тоже не колеблясь отнес бы ее к существам, отличным от человека?

— Они не совсем глухи, — влезла в разговор Сакари. — Они слышат друг друга, но не голоса людей. Папа объяснял, но я толком не поняла. Что-то про то, что экзоры словно *видят звук*, а не слышат его. Именно поэтому сила императора на них не действует.

— Зато хорошо действует на людей, — пробурчал старик, прислушивавшийся к болтовне ребят. — Экзоры крупнее и мощнее человека. Попробуй броситься на такого по собственной воле. Нет... Жить-то всем хочется. Но слово императора — закон. Не зря народ придумал эту поговорку. Стоит ему приказать своим страшным голосом, как каждый побежит как миленький. Еще и в ножки владыке поклонится.

Все те, кто сидел в повозке, разом притихли. Фэйт с жадностью переваривала новые сведения, а Хак и Сакари несколько помрачнели.

— Что ж, другим он приказывает, а мы, значит, бросимся в бой по своему желанию, раз уж нас будут готовить в Академии? — уточнила она.

Сакари не очень уверенно кивнула.

— Божественные помыслы не каждому понятны, но считается, что отмеченные меткой чем-то пригодятся императору. Они либо лучшие в бою, либо смекалистые, либо по какой-то причине должны быть рядом с ним.

Затем девушка рассказала Фэйт о том самом рейтинге в Академии, который почему-то был очень важен для Хаксли:

— Обучение длится три месяца, и на протяжении этого времени студент должен показать себя с самой лучшей стороны. А в конце каждого месяца новобранцы сдают экзамены, по которым и выставляются баллы. Из них и формируется рейтинг. Чем выше ты в нем, тем престижнее тебе достанется место на службе у императора. Но дело в том, что не всегда полученные баллы будут зависеть от самого студента. Часто мастера вынуждают проходить испытание в группах и формируют их или сами, или вынуждают это делать новобранцев.

Фэйт усмехнулась и перевела понимающий взгляд на Хаксли. Парень открыто встретил этот взгляд, ни капли не смутившись.

— В таком случае объединиться с сильнейшими — и правда лучшая тактика. Ну а вы сами умеете сражаться?

— Я хороша в логических задачках, — призналась Сакари. — Во всем, где нужно пораскинуть мозгами. А еще я гибкая, что тоже иногда бывает полезно. А Хаксли... Сама видишь, — рассмеялась девушка. — Он — воплощение грубой мужской силы.

Они так и не спросили, какие сильные стороны у самой Фэйт. Должно быть, решили, что девочка из глухой деревни совсем ни на что не годится.

Она не стала их переубеждать.

Глава 6

Гелиадор оказался городом из снов: солнечный, шумный, величественный и живой. В глаза Фэйт со всех сторон бросились всевозможные краски: малиновые крыши домов, песочного оттенка булыжные мостовые, охряные палатки раскинувшегося на главной площади рынка и лазурные флаги, украшавшие улицы.

Но основное внимание, безусловно, привлекла огромная статуя воина в доспехах с выгравированным на груди солнцем. Лицо воина скрывала маска с прорезями для глаз. Статуя выглядела так же величественно, как и устрашающе. Идол стоял спиной к городу, но лицом к просторам, раскинувшимся перед ним. Словно следил, не появится ли на горизонте враг. Экзор.

Пока повозка катила мимо праздника жизни столицы империи, Фэйт жадно разглядывала каждую деталь, в те моменты наверняка напоминая ту самую деревенщину, за которую ее приняли Сакари и Хаксли. От обилия красок и шума чуть кружилась голова. Все вокруг дышало весельем и суетой. Но вот лошадь взяла левее, шум начал стихать, а дома больше не пестрели всевозможными оттенками.

— Здесь начинается дорога к Академии, — пояснила Сакари. — В этих домах живет обслуга: те, кто убирает и готовит для студентов и мастеров.

— Обучение идет весь год?

— Нет, только три месяца. В остальное время Академия закрыта, а работники разъезжаются кто куда. Мастеров отправляют обратно в гарнизоны, а новобранцев распределяют согласно их успехам в обучении.

— Но этот набор ждали много десятков лет, — подал голос Хаксли. — В этот раз Академия открывает двери только для избранных.

Они опустили взгляды к меткам на запястьях, и парень довольно хмыкнул.

— Значит, ожидаются лучшие из лучших? — протянула Фэйт.

— В том числе наследники Семей первородных, — кивнула Сакари, но в ее взгляде промелькнула досада. — Они примерно одного возраста с нами, и я не сомневаюсь, что мы столкнемся с этими заносчивыми задницами.

— Мы можем... — попытался что-то сказать Хаксли, но девушка его перебила, взмахнув ладонью:

— Нет, Хак. У них лучшие учителя, самая современная экипировка. А что мы? Приехали сюда из захолустья... Знаю, твой отец — хороший солдат, и он многому тебя научил. Ну а я? Лазаю по заборам и крышам, придумываю всякие штуки, облегчающие хозяйкам жизнь. Наследники первородных считают нас пылью, — с горечью добавила она.

— Не думаю, что нам стоит заикливаться на них, — спокойно заявила Фэйт. — Нас избрали не первородные, а император.

Сакари с удивлением уставилась на Фэйт, и вскоре в ее глазах промелькнул озорной огонек. Мойра пожала плечами, тем самым дав понять, что на первородных ей глубоко наплевать.

А между тем булыжная дорога закончилась, и копыта их выносливой лошади принялись топтать грязь. Вокруг вдруг вырос лес, и Фэйт поймала себя на мысли, что здесь ей как-то привычнее, чем в столице. Их окружали почти те же деревья, что и в Трионе, за исключением разве что того, что леса мира мойр были безжизненными и немymi. Здесь же из чащоб доносились всевозможные трели и переливы, стрекот и гортанные вскрики. Это птицы. Фэйт читала о них в книгах и впервые в жизни наблюдала за полетом этих существ. Ее спутники же не обращали на них совсем никакого внимания.

— Академия окружена лесом, — немного понаблюдав за мойрой, сообщила Сакари. — А еще кованым забором. Внутри большая территория, на которой находится само здание Ака-

демии, построенное из камня, зверинец и озеро. В здании располагаются комнаты для студентов — для каждого своя.

— Но очень узкая и только лишь с одной кроватью, — пояснил Хаксли. — Отец рассказывал.

— Душ и туалет общие для каждого крыла, — добавила девушка. — Разумеется, парни отдельно от девушек.

— Помимо комнат там еще и залы для занятий. Самый большой для рукопашного боя и оружейного дела. Но поединки частенько проходят и во дворе. А еще есть свое озеро и огромный загон для зверей.

— Звери? — вскинула голову Фэйт.

— Да, среди войск императора есть отряды всадников. Они седлают лошадей, рино, либáрдов или ликáнтропов. Последние особенно жестоки, и приручить их под силу только поистине одаренным воинам.

— Из ваших слов я поняла, что нас ждут бои и звери, — протянула Фэйт, отчего-то ощущая нехорошее предчувствие. — Еще что-нибудь?

Несправедливо, что они знают так много, а она совсем ничего.

— Еще яды и внушение, — кивнула Сакари. — Яды хороши в бою с экзорами. Они не всегда гибнут от меча, но, если лезвие будет покрыто зельем — смерть их станет почти мгновенной. А внушение... Оно подвластно далеко не всем. Но тот, кто все же владеет им, определенно будет приближен к императору. Таких людей обычно ставят во главе боевых групп.

— Они вынуждают солдат бежать на смерть, — осознала Фэйт.

— Да. И еще они гораздо лучше противостоят экзорам. Но, повторюсь, таких умельцев единицы.

— И остается самое простое, — прогудел Хаксли, поигрывая ножом. — История империи.

Фэйт взглядела вдаль — туда, где уже виднелись темные очертания большого здания Академии за высокой кованой оградой. Оно было похоже на мрачный замок, убранство которого наверняка было крайне аскетичным. Временное пристанище для солдат — вот что это было такое. Ворота на территорию замка были открыты, и на площади у каменного здания уже толпились новобранцы. Оглянувшись назад, мойра увидела еще несколько повозок.

Избранные спешили в Академию, влекомые призывом Черного Солнца.



Никогда прежде Фэйт не видела такого количества совершенно разных людей: с ярким цветом волос и странными прическами, с громкими голосами и звонким смехом, с кожей цвета бронзы и слоновой кости. На некоторое время она лишилась способности рационально мыслить, погружившись в бурлящую толпу. Никто не скользил по земле, склонив голову и опустив взгляд. Никто не пытался слиться с серостью и тишиной, как это было в Трионе. И пусть Фэйт отчасти нравилась подобная противоположность привычному, но в то же время она не чувствовала себя своей здесь. Она наполовину мойра, и это делало ее иной как в Трионе, так и в империи. И все же рождена и воспитывалась она в мире мойр, и поэтому он был ей ближе, как бы ее там ни называли.

— Видишь те столы? — спросила Сакари, указывая на длинные доски, положенные на широкие обрубки деревьев. — Там сидят помощники мастеров. Нам нужно записаться.

— Записаться?

Но Хаксли уже подтолкнул ее в спину, и она оказалась лицом к лицу с хмурым мужчиной в черной кожаной форме с выпуклым изображением солнца на груди.

— Назовись, — равнодушно буркнул он, заноса над бумагой костяной стилус.

— ... Сака́ри Га́ллахер, — услышала она рядом звонкий голосок своей новой знакомой.

— Фэйт... — девушка замешкалась, потому что в Трионе все обходились лишь одним именем. Но, провожая ее в мир людей, Клото отчего-то сказала... — Фэйт Граймс.

«Фэйт» — судьба, а вот «граймс» было старинным словом, похожим на скрежет камня о камень и означающим пыль. Все мойры олицетворяли собой судьбы людей, живущих в империи, но стоило им умереть, как их мойры обращались в пыль. Фэйт Граймс. Начало и конец. Рождение и смерть. Ничего лишнего.

— Возраст, — продолжил задавать вопросы мужчина.

— Мне девятнадцать.

— Откуда ты? — бросив на нее мимолетный взгляд, уточнил солдат.

— Дунскрейт.

Рука мужчины дрогнула, и в этот раз он взглянул на девушку более пристально.

— Это шутка?

— Почему? — спокойно спросила Фэйт, отметив, что Сакари уже отпустили. Ее место занял Хаксли.

— Дунскрейт сровняли с землей сто лет назад.

— Это не так.

А что еще ей оставалось говорить? В географии империи она была несильна. Оставалось полагаться на древние знания Клото.

— Ты что, серьезно из этой деревни приехала? — не унимался солдат.

Фэйт молча кивнула.

— И сколько же вас там живет?

Перед глазами встали три Верховные мойры, и ответ пришел сам собой:

— Три семьи.

— Бог ты мой... Ну и дела.

— Я могу идти? — спросила мойра, окончательно утратив интерес к солдату и его вопросам.

— Можешь, только покажи сначала метку.

Она протянула ему свое запястье, и он что-то неразборчиво буркнул, а затем сунул ей в ладонь ключ с нацарапанной на нем цифрой «7». Взгляд Фэйт надолго задержался на ней. Она вспомнила слова мойр о том, что в каждый седьмой день месяца ей предстоит умереть — расплачиваться за то, что покинула Трион.

Сделав не больше десятка шагов прочь от стола и змеившихся к ним очередей, Фэйт заметила любопытную компанию, явно сторонившуюся прибывших избранных. Сбившихся в кучку было немного — всего четыре человека, но выглядели они на порядок солиднее остальных. Взгляд голубых глаз Фэйт остановился на стройной блондинке с волосами до острых плеч. Она была красива и ухожена: идеальная светлая кожа, тонкие брови и четко очерченные губы. Но она то и дело кривила их, глядя на толпу, и это придавало ее лицу неприятное выражение. Рядом с ней со скучающим и даже равнодушным видом стоял очень похожий на нее парень, только волосы его были русыми, без намека на золотистый отлив. Третий человек из этой компании удивил Фэйт больше всего. Это тоже был молодой парень, вот только его почти белесые волосы оказались едва ли короче прядей самой Фэйт. Кожа его была неестественно бледной, а брови, напротив, выделялись на лице своей чернотой. Длинный нос и тонкие губы придавали всему облику необъяснимо хищный вид. Тонкие пальцы парня то и дело касались клинков, приложенных к его поясу. Он тихо разговаривал с четвертым из их компании — молодым человеком с короткими вьющимися волосами приятного каштанового цвета. Он был очень хорош собой, и Фэйт с трудом отвела от него взгляд.

— А вот и отпрыски первородных, — шепнула Сакари, замерев за спиной Фэйт. — Держатся вместе, как и ожидалось.

— Это первородные?

— Ага. Девушка — Анна Эллингтон, а рядом ее братец Магнус. Они родились с разницей в год. Сразу друг за другом. Длинноволосый парень — Рокко Старфелл. Многие считают, что он может стать новым императором. Если так, то...

Сакари отчего-то замялась, но Фэйт стало любопытно. Эта черта досталась ей от смертного отца.

— Он тебе не нравится?

— Не то чтобы... Я же не знаю его лично. Но болтают, что он довольно жесток. Не советую насмехаться над его прической — перережет горло и не поморщится. Так говорят...

— Ясно. А четвертый? — И вновь мойра уставилась на высокого парня с отличной фигурой. Да что уж там, отвести глаза от его улыбки тоже оказалось сложно.

— О, это Соломон Блэкридж. Красавчик, — усмехнулась Сакари и ткнула Фэйт локтем. — Зуб даю, все девчонки в Академии будут по нему сохнуть. Даже Анна то и дело пялится на него, хотя они росли вместе с пеленок. Уж наверняка было время насмотреться. А может, и не только посмотреть...

— Они вместе?

Сакари пожала плечом.

— Я ведь из деревни, как и ты. И знать не знаю, что творится у таких семей, как эти. Разве что по слухам. Зато мне известно другое: мы им не ровня. Хаксли зря питает надежды попасть в их круг. Они нас не примут.

— Кого же тогда они могут взять? — подумав немного, спросила мойра. — Здесь многие не из столицы.

— Возможно, все решит рейтинг. Слабаков они к себе точно не позовут.

☼☼☼

В каждый призыв главой Академии обычно становился тот мастер, который отвечал за боевую подготовку, и этот набор не стал исключением. Гринт Арморсен занял место во главе стола преподавателей, и молча наблюдал за тем, как обеденный зал заполняется новобранцами. У каждого была метка императора на запястье, и Мэддокс невольно посмотрел на свое. Он был немногим старше этих избранных и теоретически тоже мог бы стать обладателем такой метки. Но этого не случилось.

Он вглядывался в лица девушек и парней, размышляя о том, почему выбрали именно их. Какую пользу они принесут императору? А еще он думал о том, сколько из них погибнет во время учебы.

Без жертв не обходился, кажется, ни один набор. Трупы закапывали прямо в лесу за зданием Академии и отправляли родным весть об уже свершившемся происшествии. Если кто-то из друзей погибших и скорбел, то делал это молча. В Академии слезы считались подтверждением слабости. Приятель самого Мэддокса был убит на втором месяце обучения. Его поставили в поединок с одним из лучших новобранцев, и тот случайно снес ему голову. За такое наказывали разве что усиленной отработкой на протяжении месяца, но речь о суровом приговоре даже не шла.

— Как вам будущие солдаты? — спросила Чипли, заняв место рядом с Мэдом. Прутт до сих пор спал мертвецким сном, и остальные Верховные мастера, кажется, уже свыклись с тем, что Мэддокс его заменяет.

Тошнотворный сладковатый запах, шедший, казалось бы, напрямик от ее кожи, окутал Корвина и с радостью принялся душить. Он прочистил разом пересохшее горло и хрипловато ответил:

— Поживем — увидим. Как по мне, это такие же ребята, как и те, что обычно учатся в Академии.

— Занимательно как минимум то, что в этом году мы видим сразу четырех представителей Семей первородных, — едва скрывая радость, произнесла Агнесс, поправляя мудреный

головной убор из шелкового платка на коротких волосах. — Я давно хотела испытать их на устойчивость к зельям. Как думаете, их происхождение поможет усилить сопротивление к яду?

— Я в этом сомневаюсь, — поймав взглядом Анну, ответил Мэд. — Впрочем, кто знает, что практикуют первородные. Вдруг они предпочитают пить по праздникам не вино, а некие зелья?

— Да-да, — закивала Чипли. — Это я и желаю проверить! Будет весьма любопытно. А результатами я обязательно с вами поделюсь. Ну или с Пруттом, если тот наконец пожелает объявиться. Кстати, вот список того, что мне нужно. И обязательно счищайте с жаб слизь алмазным скребком! Не перепутайте, иначе вся смесь насмарку.

— Я помню, — кивнул Мэддокс, пряча листок с записями в нагрудный карман на кожаном жилете.

Взгляд его сам собой переместился на стройную девушку в простой одежде и с буйной каштановой шевелюрой. Она неторопливо шла по проходу между длинными столами, с интересом разглядывала аскетичное убранство зала и совсем не злилась из-за суеты вокруг. Она дошла до конца одного из столов и замерла неподалеку от стола мастеров, находившегося на небольшом возвышении. И тут она повернула голову и посмотрела прямо на Мэддокса. Он замер, как и она, погрузившись на дно ее необычных светло-голубых глаз. Они были похожи на лед, но от ее взгляда ему стало совсем не холодно. Девушка первой прервала зрительный контакт и перевела взгляд на мастера Чипли. А Мэд так и продолжал разглядывать ее. Она была красивой, но даже не это вынуждало его изучать черты ее лица. Наверное, дело было в том, как она вела себя: спокойно и размеренно, отделившись от всеобщего волнения. Она словно наблюдала за возней муравьев, понимая, что у них есть какие-то свои дела, которые не очень-то ее касаются. Это показалось Мэддоксу необычным, и он продолжал смотреть на нее даже тогда, когда она повернулась к мастерам спиной и продолжила свой путь вдоль столов.

Глава 7

Сбор избранных закончился лишь вечером, и всех попросили собраться в обеденном зале. Там Фэйт увидела стол мастеров и внимательно изучила лица каждого из них, впрочем, понятия не имея, что именно они будут преподавать. Ее удивило, что один из мастеров оказался совсем молодым парнем, и он нисколько не походил на привычных ей Дозорных. Те, как и сами мойры, были темноволосыми и бледными. Он же выделялся светло-золотистым цветом кожи и необычными короткими волосами: темными лишь на корнях, а в остальном такими же золотистыми, будто окрашенными самим солнцем. Это привлекало взгляд, как и маленькие круглые серьги в его ушах с кулоном в виде крошечного солнца и такой же небольшой звезды. Они покачивались от малейшего движения его головы, и Фэйт долго разглядывала его, удивленная такими украшениями. Но кое-чем он все же напоминал ей Дозорного Триона. Например, нечитаемым выражением лица.

Впрочем, мойра не могла бы с уверенностью сказать, переплюнул ли этот мастер Рокко Старфелла с его длинными и гладкими волосами. Многие тарацились на наследника великой фамилии и определенно боялись разгневать его. Когда он сел на простую скамью в обеденном зале, ни один человек не рискнул устроиться рядом, хотя всем приходилось тесниться, чтобы добиться места за одним из пяти длинных столов.

Фэйт села рядом с парнем в простой одежде с заплатками, а по другую сторону стола устроились Сакари и Хаксли. Девушка помахала Фэйт, и мойра ответила ей сдержанным кивком. Столы уже были накрыты к ужину, и Фэйт замутило от разнообразных и непривычных запахов. Она смотрела на большое блюдо с тушей какого-то животного, плавающего в густом соусе. Новобранцы накинудись на него с жадностью, принялись терзать и отрывать куски плоти, а мойру едва не вывернуло наизнанку. Большая капля упала рядом с ее тарелкой, расплываясь по дереву, и до носа долетел запах жира. Фэйт выпрямилась, почти перестав дышать.

Мойры питались исключительно растительной пищей. Никаких животных в Трионе не водилось, если не брать в расчет пещерных светлячков, а если бы и были, то вряд ли мойрам пришлось бы в голову уничтожать их. И вот теперь Фэйт с отвращением следила за тем, как молодые парни и девушки пировали чьими-то некогда живыми телами. Сакари и Хак не отставали, наполняя свои тарелки то из одного, то из другого общего блюда.

Фэйт тоже ощущала голод и, оглядевшись, выбрала для себя желтоватую крупу и овощное рагу. Еда оказалась вкусной, а главное — растительной. Это радовало. Одной головной болью меньше — поиски пропитания могли занять немало времени.

Вскоре, когда блюда опустели, в центр зала вышел мужчина лет сорока с короткой бородкой и русыми волосами до плеч, которые, к слову, были весьма широкими. Вся его выправка буквально кричала о том, что его жизнь связана с военным делом, и подозрения мойры подтвердились. Гринт Армурсен — Верховный мастер по оружию и глава Академии этого года — кратко поприветствовал новобранцев и добавил:

— Этот набор поистине выдающийся. Вы — отмеченные самим Черным Солнцем — станете опорой будущего императора. И помните, что он никогда не умирает, он перерождается в новом теле.

После небольшой паузы студенты громко захлопали, а все мастера за столом встали и, ударив в грудь кулаком, туда, где на форме было изображение солнца, выкрикнули: *«Вечен наш свет!»* Новобранцы с энтузиазмом подхватили, и Фэйт тоже пришлось произнести эти слова.

Армурсен представил остальных Верховных мастеров, и мойра узнала имя самого молодого из них. Это был Мэддокс Корвин. Но он лишь замещал Верховного мастера по зверинцу, который по какой-то причине отсутствовал. А затем мужчина сказал:

— В этот призыв попали сто человек, из которых двадцать семь — девушки и семьдесят три — мужчины. Но мы не делим воинов императора согласно полу. Перед ним и перед опасностью все равны, а значит, и испытания вы будете проходить одинаковые. Никаких поблажек. Империи нужны сильнеешие. А теперь вернитесь в холл, получите форму Академии и отправляйтесь по своим комнатам.

К Арморсену внезапно подошел Корвин и что-то негромко сказал. Мужчина кивнул и привычно добавил:

— Но сначала выслушайте мастера Корвина, который расскажет о важности времени отбоя в нашей Академии.

Фэйт внимательно посмотрела на парня в черной военной форме с вышитым на груди солнцем. Он встал рядом с главой Академии, сложив руки за спиной и неожиданно низким и хриплым голосом сказал:

— После одиннадцати вечера мы выпускаем из зверинца либардов. Они, как известно, не могут находиться взаперти и днем, и ночью. Ограниченное пространство сводит их с ума и делает буйными. Они будут охотиться в лесах Академии и охранять нас от внезапного нападения визгунов. Поэтому ночью территория Академии — это их территория. И они вольны делать то, что пожелают. Хотите, чтобы вас растерзали, — тогда нарушьте комендантский час. За зданием Академии большое кладбище, место для ваших останков найдется.

Студенты обеспокоенно зашептались, а Фэйт перевела взгляд на сидевшего вдалеке симпатичного Соломона Блэкриджа. Новость о кровожадных зверях вроде бы не очень его напрягла, а вот сама Фэйт даже не знала, как выглядит этот самый либард.

— И если эти звери по какой-то причине вас не пугают, — продолжил Корвин, оглядывая студентов, — то я кое-что добавлю. Академии принадлежит пара ликантропов. Они ненавидят все живое. За редким исключением, — хмыкнув, сказал он. Быть может, имел в виду мастеров по зверинцу? — Учуять человека они могут с расстояния в четверть акра.

— Ликантропы? — выпучил глаза сосед Фэйт по столу и даже ткнул ее локтем. — Ты можешь это представить?!

— Нет, — коротко ответила мойра.

В книгах Верховных мойр было кое-что о животных империи, но Фэйт запомнила далеко не всех.

— На этом все, — кивнул Мэддокс Корвин, и новобранцы принялись подниматься со скамей.

☼☼☼

Сакари и Хаксли оказались правы. В выделенных избранным комнатах не было ничего интересного: лишь постель и окно с деревянной рамой на серой стене. Но этот аскетизм был привычен Фэйт, ведь он напоминал о Трионе. Ее жилище там тоже было весьма простым. Более того, она привыкла спать на полу, растянувшись на циновке, а здесь ей выделили целую кровать... В конце коридора располагались общие душевые и простой туалет, а еще для студентов выделили несколько общих гостиных с деревянными скамьями, тахтой и шкафами, в которых корешок к корешку стояли различные книги. Каменные полы были устланы коврами с изображением солнечного диска или могучих воинов императора. На одной из стен Фэйт увидела гобелен из грубой серо-голубоватой ткани, на котором были вышиты слова: *«Свет своих сердец мы отдадим ему»*. Мойра без труда поняла, что это посвящено императору Черное Солнце.

Фэйт приняла душ и вернулась в свою каморку. Она чувствовала неприятную и неприятную усталость, но все равно гоняла в голове мысли и события клонившегося к закату дня. Последний месяц сезона расцвета подходил к концу, а это значило, что до дня расплаты с Трионом оставалось еще две недели. Фэйт никогда не думала, что будет чего-то опасаться, но с неохотой призналась себе, что ждала этого дня с содроганием. Боль, которую показала ей

Клото, длилась не дольше минуты, но она едва стерпела ее. Что же с ней будет твориться в сам день расплаты? И как она его переживет?



Сотню избранных разделили на пять отрядов по двадцать человек. Сакари и Хаксли попали в другой, зато Фэйт «посчастливилось» учиться вместе с четверкой наследников первородных. Однако мастера заверили, что время от времени отряды будут заниматься вместе, так что шанс видиться с уже привычной парочкой чаще все же был довольно высок.

Мойре досталось три комплекта черной формы. Сегодня она выбрала тот, что шел с твердым корсетом, который следовало надеть на свободную дымчатую рубашку. Черные брюки оказались впору, а вот ботинки на толстой подошве ощущались камнями, привязанными к ногам — слишком уж тяжелыми они казались Фэйт. Обувь в Трионе была едва заметной на ногах: грубоватая, но легкая ткань и тонкая подошва. Мойра не забыла надеть и ремень, к которому прикрепила полую трубку размером с большой палец — копье Триона. Без него она уже не мыслила собственного существования. Копье было ее продолжением, и даже если воспользоваться им она не сможет, то с глаз все равно не спустит.

Когда мойра готова была отправляться на завтрак и первое занятие, в ее дверь звонко постучали. Она открыла и увидела на пороге Сакари. Девушка улыбнулась и помахала гребнем.

— Хотела тебя заплести, ты не против?

Фэйт машинально коснулась буйной копны и зачем-то кивнула.

— Сегодня будет рукопашный бой, а с распущенными волосами сражаться не очень удобно, — пояснила девушка, ловко орудуя гребнем. — Схватить девчонку за хвост и дернуть со всей дури — любимая забава большинства парней. Но мы им такого удовольствия не доставим.

Никто прежде не заплетал Фэйт косы. Мать она не знала, хоть та наверняка и возилась с ней время от времени, как и с остальными новорожденными мойрами. Ее подруги, такие же недородки, как она сама, иногда плели косы, но в привычку у мойр это не вошло. Чаще всего они или просто срезали пряди, или завязывали их в низкий хвост с помощью лент.

Сейчас же Сакари делала что-то необычное: разделила волосы Фэйт на ровный пробор и принялась плести две косы, начиная от самого лба. Получилось неплохо. Мойра взглянула на себя в отражении оконного стекла и кивнула Сакари. Той же косы были без надобности — слишком короткими были ее темно-рыжие волосы.

— Идем завтракать, — сказала она, первой направившись к двери. — Хаксли должен был занять нам места.

В этот раз обошлось без убитых животных. Фэйт ела кашу под бубнеж Хаксли о скудности пайка и внимательно оглядывалась. Мэддокс Корвин закончил завтрак как раз в тот момент, когда Фэйт взяла в руки ложку, и уверенным шагом пересек обеденный зал. Сакари склонилась к мойре и едва слышно шепнула:

— А он интересный, правда?

— Да, — согласилась Фэйт. — Не знала, что мужчины тоже носят серебро.

— Бывает, — пожала плечами девушка. — Некоторые и вовсе украшают тела изображениями или письменами, загоняя чернила под кожу. Говорят, у Рокко есть такие на спине. И у Соломона, кажется, тоже. Как знать, может нам удастся увидеть, — подмигнула Сакари, а затем сменила тему: — Какое у тебя первое занятие?

— История империи.

— А у нас рукопашный бой, — вздохнула она. — Мастер предупредил, что хочет посмотреть, на что мы способны.

Фэйт взглядела в ее лицо и сказала:

— Не ешь много. Сражаться лучше налегке.

— Мне и так кусок в горло не лезет, — призналась девушка, взволнованно помешивая ложкой кашу. — Помнишь, что вчера сказал Арморсен? Мы все равны: и парни, и девушки... Что, если мне достанется такой же здоровяк, как Хаксли?

— Это был бы лучший вариант.

Сакари округлила глаза и удивленно уставилась на мойру.

— Почему это?

— Он слишком большой и неповоротливый. Запрыгни к нему на спину и начинай душить, — пожала плечами Фэйт, пробуя ягодный отвар. — Воспользуйся ловкостью и гибкостью.

Девушка затихла, обдумывая ее слова, а спустя несколько секунд согласно кивнула.

— Спасибо за совет.

— Не за что. Он может и не пригодиться. В таком случае помни, что для начала лучше всего присмотреться к сопернику и его повадкам в бою. Придется как следует пораскинуть мозгами, но ты говорила, что это и есть твоя сильная сторона, — добавила Фэйт, поднимаясь. — Вот ею и пользуйся.

Аудитория, где должно было проходить занятие по истории империи, оказалась довольно просторной. Перед возвышением со столом мастера и длинной доской, стояли стулья, расставленные в пять рядов. Фэйт села на третий и коснулась пальцами желтоватого листа плотной бумаги, а затем и костяного стилуса, которым ей предстояло писать. Грамоте она была обучена, но сомневалась, что ее знания схожи с теми, что преподавали в империи.

Место по соседству занял вчерашний парнишка из обеденного зала с заплатками на одежде. Теперь он был одет в черную форму, но выражение лица все равно осталось простодушным.

— Привет! Я Маркус, — представился он, очевидно решив держаться к Фэйт поближе. Она отметила, что он постоянно щурится и часто моргает.

— Фэйт, — кратко ответила она, а, понаблюдав за тем, как он неуверенно тянет руку к столу, спросила: — Что с твоими глазами?

Маркус испуганно обернулся к ней и доверительно шепнул:

— Я не очень хорошо вижу. Очки сломались во время поездки сюда... Починить не получается.

Мойра немного помолчала, а затем многозначительно добавила:

— Следующее занятие — рукопашный бой. На что ты надеешься?

Он снова часто заморгал, но с ответом так и не нашелся. А между тем в аудиторию вошла четверка первородных. Первой шла Анна в идеально сидящей на ней форме. Многие парни заглядывались на нее, но вряд ли хоть кто-нибудь отважился бы подойти к этой девушке. Черты ее лица и правда были идеальны, но это выражение недовольства, которое Фэйт заметила еще вчера, портило впечатление. Впрочем, похоже, это бросалось в глаза только лишь мойре.

Рокко, Соломон, Магнус и Анна сели прямо перед Фэйт и Маркусом. Она вдруг поняла, что не знает, на кого смотреть: на загадочного блондина с длинными волосами или его красавчика-друга. Оба о чем-то переговаривались, и Соломон внезапно широко улыбнулся, отчего на его щеке появилась ямочка. Фэйт замерла, а он наконец заметил ее взгляд. Чуть развернулся, зачесав волосы назад, и окинул ее быстрым взглядом, продолжая улыбаться, но комментировать такое пристальное внимание не стал. Рокко же едва удостоил ее мимолетным и надменным взглядом.

Наконец в аудиторию торопливо вошел Верховный мастер — Ога́стус Эвервинд. Это оказался высокий и полноватый мужчина, почти лишенный растительности на голове. Хлопнув в ладоши, он весьма мягким для человека подобной комплекции голосом произнес:

— Приветствую вас, новобранцы, на первом в вашей жизни занятии в стенах этой прославленной Академии. Я мастер Эвервинд, прошу именно так ко мне и обращаться. А начнем мы с короткого знакомства. Я пройду по списку ваших фамилий, а вы поднимайте руку, как только услышите свою. Что ж, приступим.

Начал он с Рокко Старфелла, но, к удивлению Фэйт, зачитывал еще и место, в котором проживал новобранец. Разумеется, вся четверка первородных прибыла сюда прямым из крупных городов доменов, которыми управляли их семьи, остальные, должно быть, жили либо в крошечных городках по соседству со столицей, либо приехали из деревень. Так или иначе, а названия местности студентов не вызывало ни у кого особенного интереса, но это равнодушие сохранялось вплоть до объявления мойры.

— Фэйт Граймс, — прочел Эвервинд, после чего машинально продолжил: — Дунскрейт.

В аудитории стало неестественно тихо. Мастер вскинул голову и впился взглядом болотных глаз в поднявшую руку Фэйт.

— Что это за ерунда, студентка Граймс? — с некоторой долей обиды в голосе спросил мужчина. — Дунскрейт был уничтожен во время прорыва экзоров!

Фэйт не жаждала пристального внимания, но из-за выходки Клото получила его сполна. Плюс во всем этом был только один — красавчик Соломон Блэкридж наконец-то проявил к ней интерес.

— Так и было, — не стала спорить мойра. — Но мои родственники вернулись на родные земли и стали... жить уединенно.

— Не может быть! — воскликнул Эвервинд, отбросив пергамент на массивный стол. — Те земли были превращены чудовищами в пепел!

— Мы несколько удалились от них, — снова пришлось выкручиваться Фэйт.

— Подождите, — вмешалась в разговор Анна, изогнув губы в неприятной усмешке, — я правильно понимаю, что перед нами настоящая дикарка? Девчонка буквально из леса вышла!

Магнус издал смешок, кто-то из парней тоже засмеялся, и мойра окинула каждого из них серьезным взглядом.

— Не из леса, — спокойно ответила она. — Я живу в горах.

— Ну-ну, не станем проявлять враждебность, — призвал всех к спокойствию Эвервинд, запахивая на груди темно-лиловую накидку, расшитую крошечными изображениями солнц. — Но это любопытно, очень любопытно, студентка Граймс! Однако вернемся к нашему занятию. — Он снова хлопнул в ладоши, откашлялся и подошел к краю возвышения, на котором располагался его стол. — Итак, взгляните на ваши запястья.

Все машинально сделали, что он велел, и Фэйт тоже опустила взгляд на небольшой черный круг на коже.

— Это метка самого императора, — с улыбкой в голосе продолжил Огастус. — Согласно историческим данным, появляется она незадолго до возникновения на небе черного солнца — символа смены правителя империи. Те молодые люди, что однажды заметили на себе этот знак, были избраны нашим божеством и призваны на верную службу. А поскольку приближенными императора могли стать лишь лучшие, пятьсот лет назад был принят приказ, согласно которому эти избранные должны пройти обучение в Академии Черного Солнца. Однако, — Эвервинд побарабанил пухлыми пальцами по груди и с долей благоговения в голосе продолжил: — многие считают, что среди сотни избранных есть и сам будущий император! Правда это или нет — мы не узнаем. Личность правителя стирается из памяти его подданных, поскольку неважно, кем он был до, важно, что сила Черного Солнца обрела плоть.

Фэйт подняла руку, и мастер встрепенулся.

— Да, студентка Граймс?

— Мастер Корвин вчера упоминал здешнее кладбище. Правильно ли я понимаю, что жизнь новобранцев не так уж и ценна? Но что, если погибнет студент с меткой Черного Солнца? Вдруг он мог стать будущим правителем?

Мастер поднял указательный палец вверх и поторопился ответить:

— Видите ли, Фэйт, считается, что слабый не может стать императором, и если кто-то из вас уйдет в мир иной во время учебы, значит, не так уж вы были незаменимы для империи.

— Естественный отбор, — прокомментировала Анна, отбросив за плечо тяжелую светлую прядь. — Императором может стать лишь лучший.

Она повернулась к Соломону и растянула губы в милой улыбке. Фэйт довольствовалась только его профилем и видом красивых волнистых волос. Кажется, он тоже улыбнулся Анне, но затем вдруг покосился на Рокко. Тот сидел словно статуя самому себе, скрестив руки под грудью.

— Еще вопросы?

И вновь рука мойры потянулась вверх. Анна Эллингтон фыркнула, заметив это движение краем глаза.

— Метка держится ровно три месяца?

— С чего вы это взяли? — искренне удивился мастер. — Она останется у вас до самой смерти.

Глаза Фэйт расширились. Она точно помнила слова Верховной мойры: *«Метка сойдет спустя три смены человеческих месяцев»*. Не могла же Атропос напутать? Исключено. Должно быть, это действует только для мойры, да еще и недородка... А Фэйт решила, что для всех.

— Что с нее взять, мастер? — притворно вздохнула Анна. — Она ведь спустилась к нам с гор. Бедняжка ничего не знает...

— Какие обязательства накладывает на меня эта метка? — не обращая на блондинку внимания, задала следующий вопрос Фэйт.

Смешки стихли. Похоже, ответ заинтересовал и всех остальных из ее отряда.

— Неплохо, студентка Граймс, — почему-то похвалил ее Эвервинд. — Это отличный вопрос! Может быть, кто-то знает ответ?

— Анна наверняка сможет меня просветить, — спокойно произнесла мойра.

Девушка резко обернулась к ней с плещущимся в глазах возмущением. Даже Рокко наконец пошевелился и бросил на Фэйт короткий взгляд.

— Поверить не могу, что кто-то этого не знает! — процедила она. — Отмеченный меткой должен служить на благо императора. Преклонить колено, получить назначение согласно велению правителя и отдать за него жизнь, если потребуется.

— А если не отдам?

Теперь уже все в аудитории смотрели только на Фэйт. Анна побледнела — не то от злости, не то от страха — и уже не так громко ответила:

— Метка поджарит тебя изнутри. Ты не можешь сбежать, не можешь делать то, что вдруг придет тебе в голову.

— Ваши жизни отныне в руках императора, — подытожил Эвервинд, и в глазах его мелькнуло сожаление.

Глава 8

Остаток занятия они изучали изображение костюма императора и состав его армии. Похожую информацию Фэйт уже читала в книгах Триона, но сведения все равно немного разнились. Например, мойра не знала про эту самую сотню избранных — отряд приближенных к императору. Это самые преданные ему люди, которые добровольно бросятся в пекло ради него, не понадобится даже тот самый голос, о котором ей рассказывали Сакари с Хаксли.

Дождавшись, когда очередь на выход из аудитории рассеется, Фэйт тоже ступила в коридор и пошла прямо, следом за своим отрядом. Учебные аудитории и залы располагались на втором и третьем этажах Академии, тогда как жилые комнаты и гостиные были исключительно на первом.

Многие ожидали следующего занятия с явным волнением. Анна, хоть и храбрилась, но слишком уж часто поправляла волосы и то и дело проводила ладонью по шее. Маркус и вовсе сравнялся цветом лица с бледной стеной в коридоре. Для Фэйт поединки были обычным делом. Но она никогда не сражалась с *людьми*. На что они способны? Как искусны в бою? Какое оружие предпочитают?

Никаких переживаний не выказывал разве что Рокко Старфелл. То же бесстрастное выражение, что было и на завтраке, украшало его лицо с неправильными чертами и сейчас. Его нельзя было назвать симпатичным, однако, странное дело, во всем его облике чувствовалась порода и уверенность в себе. Вероятно, даже самоуверенность. К себе он допускал лишь первородных, а на остальных смотрел с плохо скрываемой брезгливостью.

Прежде закрытая дверь в тренировочный зал распахнулась, и в коридор повалили студенты другого отряда. Отряда, в котором были и Сакари с Хаксли. Фэйт привстала на цыпочки, надеясь увидеть знакомые лица, и вскоре ей это удалось. Хак придерживал девушку за талию, а Сакари зажимала нос ладонью, измазанной в крови. Они оба не заметили мойру, а она проводила их напряженным взглядом. Должно быть, противник Сакари оказался более опытным в бою, чем она, а перехитрить его не удалось.

В дверях показался Гринт Арморсен в темной рубаше с закатанными до локтей рукавами и в черных штанах. Привалившись к косяку плечом, он зычным голосом скомандовал:

— Отряд, заходим!

Студенты торопливо бросились к открытым дверям, Фэйт не отставала. Они вошли в огромный зал, одна стена которого была увешена различными видами клинков и топоров. У арочного окна стоял длинный стол, должно быть, для мастера. Впрочем, Верховный был здесь не один. Его мастера-помощники что-то вытирали с пола и раскладывали на столе всевозможные лезвия.

— Встаем в линию, — продолжал раздавать указания Арморсен, поглаживая щетину и оценивающе разглядывая второй отряд.

Фэйт встала рядом с широкоплечей девушкой, подстриженной под мальчика, а рядом с ней самой замер трясущийся Маркус, вытянувшись в струну. Отпрыски первородных заняли места в начале линии, и возглавлял ее Рокко Старфелл.

— На первом занятии оценим ваши боевые качества. Но сначала поднимите руку те, кто никогда в жизни не дрался.

Фэйт покосилась на Маркуса, но тот даже и не думал шевелиться. На ее немой вопрос он едва слышно шепнул:

— Я дрался с братьями.

«Дрался или они тебя били?» — хотелось уточнить ей, но время для разговоров было неподходящим.

— Отлично, — прищурившись, произнес Арморсен. — Тогда приступим. Мастер, список. — Молодой парень шустро подбежал к Верховному и протянул желтоватый лист. — Вас разделили на десять пар. Поединок может проходить как с оружием, — он указал ладонью на свой стол, где лежали различные клинки, — так и без. Если один из сражающихся готов биться на мечах или черт знает на чем еще, а второй — нет, то поединок проходит без оружия. Но это правило действует только сегодня. Скажем так, в честь знакомства.

А между тем дверь в зал внезапно распахнулась, и к Арморсену устремилась низенькая женщина в черном платье и белом фартуке, прикрывающем в том числе и грудь.

— Стойте, мастер Арморсен! — запыхавшимся голосом произнесла она. — Вы обязаны были дожждаться моего появления.

— Ну мы же еще и не начали, — с кислым лицом ответил он, вяло махнув списком.

— Представьте меня, — возмутилась дама.

Гринт закатил глаза.

— Это мастер Лорна Эханн. Она служит в лазарете и оказывает помощь раненым.

Женщина засияла добродушной улыбкой.

— Сегодня я буду присутствовать на вашем занятии и смею уверить, что все раны, если таковые возникнут, мы залечим в самые короткие сроки. Да что там — срastить перелом я смогу всего за пару дней! Все это благодаря лекарственным зельям, которые смешивают наши лучшие мастера. Поэтому не переживайте, вы в надежных руках. — Лорна всплеснула ладонями, будто хотела обнять весь отряд, а затем жизнерадостно добавила: — Только помните, что отрастить новые конечности мы не в силах, да и отрубленную голову обратно не приставим. Надеюсь, на занятиях мастера Арморсена вы будете проявлять должную осторожность.

— Вы закончили? Я могу приступать? — Дождавшись кивка Лорны, Гринт громко объявил: — Первая пара: Анна Эллингтон и Каллум Дуглас.

Оба новобранца вышли в круг, очерченный на полу бордовой краской, и Гринт спросил:

— Оружие, студентка Эллингтон?

Анна смерила Каллума, худого парня с круглыми глазами, недовольным взглядом и вдруг кивнула:

— Да. Поединок с оружием.

— Студент Дуглас?

Парень с трудом сглотнул и неуверенно кивнул, глядя на Анну. Та довольно усмехнулась.

В итоге оба сошлись на мечах, и хоть Анна двигалась уверенно и четко, но поединок не произвел на Фэйт никакого впечатления. Да, девушка казалась несомненным фаворитом, но Дуглас совершенно точно не был опытным бойцом. Возможно, он жалел девушку или боялся ранить первородную, а может и правда плохо обращался с мечом, но ее победа была очевидной почти с самого начала.

— Довольно, — скомандовал Арморсен, когда Дуглас свалился под ноги Анны, и та поставила острие лезвия к его груди.

Следующей парой оказались брат Анны Магнус и короткостриженная девушка по имени Мэри, которая стояла рядом с Фэйт. Магнус казался мойре темной лошадкой. Болтать он вроде бы не любил, держался позади сестры, но поближе к Рокко. Она с интересом следила за рукопашным боем этой пары, но вскоре поединок сделался грязным и подлым. Магнус не делал Мэри ни одной поbлажки, и, в целом, это можно было понять, ведь на поле боя все равны. Однако та жестокость, с которой он наносил Мэри удары, была видна невооруженным взглядом. Она словно была его кровным врагом, не меньше. Губы девушки были разбиты, а из носа хлынула кровь, и только тогда Арморсен остановил бой.

— Неплохо, — вдруг сказал он, но посмотрел при этом на Мэри. Фэйт вскинула бровь, а Магнус даже не понял, что обращались не к нему. Он удовлетворенно усмехнулся и встал рядом с Рокко.

Спустя еще три пары Фэйт смогла составить приблизительное впечатление о боевых качествах смертных. Главным открытием для нее стало то, что почти все вкладывали в бой слишком много эмоций: страх, ненависть, честолюбие, гордость, жестокость. Но в поединках с Дозорными ничего этого не было. Все, что имело значение, — это выверенные движения, скорость, гибкость и ум. Дозорные научили мойр вступать в битву бесстрастно, делая только то, что нужно для успешного исхода.

— Идем дальше, — громовым голосом объявил Гринт Арморсен. — Фэйт Граймс и Рокко Старфелл.

Мойра вышла в круг, подчиняясь приказу, а Рокко скривился так, будто съел кислое. Анна засмеялась, положив ладонь на плечо Соломона, но тот лишь одарил Фэйт озадаченным взглядом. Не требовалось много ума, чтобы понять: в этом поединке никто не поставит на девочку из Дунскрейта.

Арморсен, должно быть, неплохо знал Старфелла, потому что неловко прочистил горло и вопросительно произнес:

— Оружие?

Он посмотрел на Фэйт с некоторым сожалением, словно уже попрощался с ее симпатичной мордашкой.

— Да, — сказала мойра, переводя взгляд на стол с клинками. Она бы предпочла свое копье, разумеется, но считала, что пока могла обойтись и без него.

— Ты уверена? — вырвалось у Гринта, хотя прежде он не проявлял беспокойства.

— Я не против, — подал голос Рокко, первым подходя к столу. Весь его облик кричал о скуке. — Быстрее закончим.

Фэйт едва заметно улыбнулась, потянувшись к двуручной секире на длинной рукояти. Гринт, заметив это, закашлялся и что-то просипел, а Старфелл удивленно изогнул бровь.

— Ты хоть знаешь, что это такое? — бросил он, проходя мимо нее, но, очевидно, не ожидая ответа.

Сам он вооружился внушительным мечом и ловко крутанул его в ладони. Анна гордо вскинула голову и даже беззвучно захлопала в ладоши, касаясь бедром Соломона.

Между тем Фэйт уверенно вышла в круг, удерживая секиру за древко. Поединок начался.
⚔⚔⚔

— Черт бы тебя побрал, Лахлан! — сквозь зубы выругался Мэддокс, глядя на жирную каплю жабьей слизи на коже новобранца. — Я же велел надеть долбаные перчатки!

Парень заскулил и принялся трясти краснеющей кистью, но сделал только хуже. Брызги попали на вторую его руку, где тотчас расцвели багровые кляксы.

— Промокни кожу тканью, — скомандовал мастер Корвин. — И пошли за мной. Остальные продолжайте собирать слизь. Мастера присмотрят за вами.

Получивший ожоги новобранец прикусил губу, стараясь подавлять стоны. Мэддокс матерился про себя и вдруг сообразил:

— Идем в тренировочный зал. Там наверняка есть кто-то из врачей, а у них при себе всегда найдется мазь.

Остатки своей он извел уже на первом занятии.

Бесшумно распахнув дверь, он вошел в зал и попал в самый разгар поединка. Однако, стоило ему увидеть, кто именно дерется, как он застыл на месте. Девушка с льдистыми глазами и Рокко Старфелл... Поединок никак не мог быть честным при таком раскладе, и все же... Мэд не мог отвести глаз от происходящего в круге.

Девушка двигалась нечеловечески грациозно. Ее боевой топор рассекал воздух рядом со Старфеллом, не позволяя тому приблизиться к ней. Он замахнулся мечом, однако она приняла удар, отразив его своим лезвием. Но, должно быть, первородному надоело это мельтешение у его лица, и он сделал подсечку, лишив девочку равновесия. Она упала, и секира вылетела из

ее ладони, чем Старфелл и воспользовался, откинув ее как можно дальше. Многие решили, что поединок на этом подходит к концу, но девушка легко вскочила на ноги, увернулась от меча, каким-то образом оказалась за спиной Рокко и вывернула ему руку, лишая его оружия. Носком ботинка она пнула меч за пределы круга, но парень уже схватил ее за шею левой рукой. Девчонка сделала то же самое с ним, да еще и врезала ему по колену. Он прохрипел ругательство, а затем их руки замелькали так быстро, что Мэд даже не сразу сообразил, кто именно наносит удары, а кто отражает их. Ему было известно, каким искусным бойцом слыл Рокко, но эта девушка... Она не то чтобы не уступала ему в мастерстве, она показывала нечто настолько выверенное и продуманное, чего не увидишь на поле боя.

Арморсен ошарашенно пялился на происходящее, не понимая, стоит ли остановить поединок. Очевидно, что Фэйт Граймс ровня Рокко Старфеллу в этом круге и в этом тренировочном зале. Но злость в глазах первородного не позволила ему дать команду прекратить. Рокко ожидал получить слабую жертву, но просчитался и теперь намеревался выйти из этой борьбы победителем. Только переживет ли его ярость Фэйт?..



Мойра четко видела все его движения, зеркалила каждый шаг. Он был хорош, это стоило признать. Но и она ничуть ему не уступала. И все же кое-что шло не так.

Фэйт не привыкла к боли. Трион залечивал ее раны почти мгновенно, не позволяя мучиться. Но в мире людей эта милость не действовала. Руки ее горели, как и живот, куда несколько раз прилетел кулак Старфелла. И Фэйт начала злиться. Эта эмоция прибавила ей сил, но в то же время притупила бдительность. Она стала чаще пропускать удары, да и дыхание сделалось тяжелым. Боль, усталость, гнев... Все это ослабляло тело. И Фэйт раздражалась еще сильнее. Замкнутый круг.

Она выскочила за спиной Рокко и, не совсем понимая, что делает, намотала его длинные волосы на кулак, вынуждая его рухнуть на колени. Мойра хотела закончить поединок, ведь больше не видела в нем смысла. Убить первородного ей все равно не дадут, так что еще она должна доказать?

По залу прокатился гул, а кто-то даже схватился за голову, увидев действие Фэйт. Она поставила Старфелла на колени, схватив его за волосы — на такое решился бы разве что безумец.

— Стоп! Хватит! — громкий голос Арморсена разрезал гул новобранцев и младших мастеров. Гринт был в ужасе. — Граймс, отпусти его.

Фэйт и так уже отошла подальше, зачем-то вытирая ладонь, которой касалась светлых волос, о штаны. Она словно тронула что-то склизкое и мертвое.

— Нет! — взревел Рокко, вскакивая на ноги и брызгая слюной. — Это не конец! Еще!

Он бросился на Фэйт, не дожидаясь разрешения Верховного мастера. Она уклонилась, резко опустилась вниз и сделала подсечку, но Рокко словно был к этому готов. Он навалился на Фэйт, припечатав ее голову к полу и со всей дури сжимая ее горло длинными бледными пальцами. Но он забыл о ее руках. Она ударила его в ухо, затем еще раз и еще. Он зарычал ей в лицо, став похожим на жуткого монстра, на экзора...

— Хватит, я сказал! — заорал Арморсен и, схватив Старфелла за плечо, спихнул его с Фэйт.

Она с трудом сделала вдох, который вышел болезненным и хриплым. Вся шея неприятно пульсировала, а в горло словно запихнули камень, заставив ее проглотить его.

— Граймс? — Арморсен присел на корточки рядом с ней. — Порядок? Ну вы и устроили... Мать вашу, это же только первое занятие.

— Я победила, — сдавленно произнесла мойра, сурово глядя на мастера. — Так ведь?

Он протяжно выдохнул и негромко буркнул:

— Откуда ты только такая взялась?

Фэйт поднялась на ноги и тихо ответила:

— Из Дунскрейта. Мы там все такие.

Она хотела вернуться в строй, но на пару мгновений замерла, наткнувшись на взгляд Мэддокса Корвина — мастера по зверинцу и парня с необычными сережками в ушах. Он молча стоял неподалеку от круга, а за его спиной корчился худощавый парень, баюкающий свою руку.

Глава 9

— Ты сумасшедшая, — прогундосила Мэри, которой Лорна только что заткнула ноздри пропитанной лечебной мазью ватой. — В хорошем смысле.

Фэйт неосознанно коснулась кожи на шее — она горела огнем. И такое же пламя пылало в небольших глазах Рокко. Мойре стало ясно, что в первый же учебный день она обзавелась кровным врагом.

— Я делала то, что приказали, — хрипло ответила она. — Я сражалась.

— Никогда такого не видела, — шепнула Мэри. — Таким мастерством обладают разве что первородные, но ты ведь из глухомани! Кто тебя всему этому научил?

— Нашлись люди, — уклончиво произнесла мойра.

Занятие завершилось тем, что Маркус рухнул на пол в первую же минуту поединка с Соломоном. Последний, казалось, был только рад тому, что избиение «младенца» так стремительно закончилось. Однако он то и дело поглядывал в сторону Фэйт. Ей стало интересно, разделял ли он ненависть Рокко и Анны с Магнусом? Последние были бледны от гнева и яростным шепотом что-то внушали взбешенному Старфеллу.

Арморсен отпустил их, задержав взгляд на мойре. Она посмотрела прямо ему в глаза и кивнула на прощание. Он сделал то же.

Мэддокс, точнее мастер Корвин, уже давно покинул тренировочный зал, но Фэйт знала, что сегодня они еще встретятся. Но прежде им велели пройти на обед.

Фэйт держалась от остальной группы особняком, но не потому, что студенты были ей неинтересны. Она ощущала себя немного странно: любопытство в ней смешивалось с пониманием, что она отличается от всех этих людей. Необъяснимо, но в империи она ощущала себя мойрой гораздо отчетливее, чем в Трионе. Ее живость и жажда познать новое поблекли на фоне всех этих шумных и ярких молодых людей. Она вела себя тише, молча изучала новые реалии и по большей части присматривалась к тем, кто рядом, не торопясь подпускать их к себе. Каково же было ее удивление, когда за стол, за который она садилась в гордом одиночестве, к ней подсели Сакари с Хаксли, а затем Мэри и залеченный Лорной Маркус.

— Как все прошло? — спросила Сакари, неловко взявшись за ложку.

— Это ты мне скажи. Ты уходила из зала, умываясь кровью.

— Ты преувеличиваешь, — скривилась девушка, но взгляд опустила. — Мне в партнеры досталась Элла. Она оказалась психопаткой. Кто бы мог подумать?

— Надо готовиться к худшему, — отметила Фэйт, зачерпнув наваристое рагу, но опасаясь глотать его. Горло все еще саднило.

— Не скажешь, почему на тебя все пялятся? — прогудел Хаксли.

Мойра невольно отметила его пронизательность. Многие студенты и правда оборачивались, чтобы найти ее взглядом. Кто-то шептался, указывая на нее пальцем, некоторые тыкали в сторону Рокко. Сплетни расплзлись по Академии, словно шустрые змеи.

— Я сражалась со Старфеллом, — ответила Фэйт.

— Она была бесподобна, — подала голос Мэри.

— Ты... *что*?! — шепотом выкрикнула Сакари, взъерошивая короткие пряди у лба.

— Фэйт поставила его на колени, — склонившись к столу, выпалил доходяга Маркус, неуверенно растягивая губы в улыбке.

Мэри тоже радовалась, но мойра не понимала, чему. На лице Хаксли отразилось глубокое недоумение. Он наверняка считал, что его попросту разыгрывают, но кровоподтеки на шее Фэйт намекали на то, что ее поединок уж точно не выдался легким.

— Как ты смогла устоять против него? — ошарашенно спросила Сакари, по-новому взглянув на свою случайную попутчицу.

— Я занималась рукопашным боем и неплохо владею оружием, — ответила мойра.

— И ты молчала?!

Она пожала плечами, макнув в рагу кусочек хлеба.

— Хаксли не посчитал меня выгодным союзником, — позволила она себе небольшую колкость, не испытывая ни капли обиды.

Здоровяк немного покраснел, но оставил это без ответа. Фэйт улыбнулась, чувствуя покалывание в разбитом уголке рта, и внезапно перехватила взгляд Мэддокса. Парень отвернулся уже спустя долю секунды, а Фэйт еще некоторое время смотрела на покачивавшуюся в его правом ухе круглую сережку с крошечным кулоном в виде солнца.

☼☼☼

Все за столом мастеров уже знали о первом занятии Гринта Арморсена. Он сам рассказал о Рокко и Фэйт, и Мэд сделал вывод о том, что девушка произвела на Верховного сильное впечатление. Хотя чему удивляться, он ведь и сам все видел. Она и правда была хороша.

Но весть о ее поистине удивительных способностях в рукопашном бою сменилась иной — о ее происхождении. Она приехала сюда напрямик из Дунскрейта — гиблого места на карте империи. Там не осталось ничего, и все же Фэйт заявила, что жила на тех территориях. Эвервинд до сих пор не понимал, как же это было возможно.

Мэддокс закончил обед и направился на второй этаж, где должно было пройти очередное занятие. На этот раз он ожидал отряд, в котором числилась и Фэйт Граймс.

Многим казалось, что в предмете, который преподавал Корвин, нет ничего полезного, да и нового узнать практически нечего. Все дети отлично знали зверей, обитающих в империи, и даже неплохо разбирались в существах, выбравших своим домом земли Домината. Однако теория — это одно, а практика обычно довольно быстро показывала, кто может стать будущим блестящим всадником. Но первое занятие было вводным, и Мэд решил начинать постепенно, больше времени уделяя знакомству с избранными Черным Солнцем.

Фамилии первородных он назвал быстро и почти не удостоил их носителей взглядом, потому что и без того знал этих новобранцев. Затем он перешел к остальным и уже внимательнее вглядывался в их лица, стараясь запомнить каждого. Когда дело дошло до студентки Граймс, Мэд перевел на нее взгляд и почти нырнул в прозрачную голубизну ее глаз. Она смотрела на него прямо и серьезно, без тени улыбки, хотя некоторые девушки из двух других отрядов уже пытались строить ему глазки. Может быть, надеялись получить у него высокие баллы — Корвину было все равно, он не собирался злоупотреблять своим положением, да даже если бы и захотел, то в любом случае не смог бы. Перед прибытием избранных все без исключения мастера выпили зелье, подготовленное Чипли, которое в буквальном смысле связывало им языки. Захочешь подсказать кому-то, что ждет его на экзамене, — получишь усохший язык и навечно лишишься способности говорить. Подобные снадобья относились к числу редких, ведь к их созданию прикладывал руку сам император. Без его божественных сил такого эффекта не добилась бы даже сама Чипли — Верховный мастер по ядам. Слянки с этим зельем хранились лишь в Академии, да еще в покоях самого императора — он поил ими военачальников, добиваясь кристально честной службы.

Закончив процедуру знакомства, Мэддокс растянул на доске огромный свиток с изображением различного зверья, которое частенько привлекали для службы на благо империи. Корвин понимал, что сейчас его вопросы покажутся новобранцам детскими и даже нелепыми, но он собирался наметить для них план дальнейших занятий, поэтому выбрал для себя поэтапный подход.

— Все эти существа, — встав справа от доски, начал Мэддокс, — помогают нам в борьбе с экзорами. — Он взял длинную указку и ткнул в первого зверя. — Кто назовет мне это животное и даст его характеристики?

Вверх взметнулась всего одна рука, но Корвин готов был биться об заклад, что остальные тоже отлично знали ответ.

— Да? Э-э... Маркус...

— Каллахен, — подсказал парень, сидевший рядом с Фэйт. — Это двурогий либард! Зверь с мордой и лапами огромной кошки, но с мощным телом ящера. Существуют и безрогие либарды. Считается, что они более миролюбивы и не так падки на мясо. Двурогие же закоренелые хищники, обладатели буйного нрава и сложного характера. Подчинить их себе под силу только человеку с чистыми помыслами и большой внутренней силой. Они могут избрать себе хозяина на всю жизнь, не подпуская больше никого другого, но подобное случается редко. Я бы хотел себе такого, — выдохнул Маркус, но тут же смутился и сел на место.

Мэд едва заметно усмехнулся, но ответом остался доволен.

— Неплохие познания, — отметил он. — Как я уже говорил, мы будем выпускать либардов после отбоя, советую не забывать об этом, если хотите сохранить конечности. Давайте быстро пробежимся и по остальным существам, с которыми вам предстоит научиться взаимодействовать.

Кончик указки ткнул в широкое существо, больше похожее на покрытый мхом камень. Взгляд Мэддокса упал на Фэйт. Он сглотнул, а затем произнес:

— Студентка Граймс?

Бледное лицо Фэйт как будто стало еще светлее. Она прикусила губу изнутри и неосознанно провела ладонью по покрытой неровными синяками шее. Мэд машинально взглянул на Рокко, физиономия которого напоминала фарфоровую маску. Кажется, он до сих пор мысленно бесчинствовал в тренировочном зале, ломая Фэйт шею.

— Ну так что? — чуть нахмурившись, повторил Корвин, не дождавшись от девушки ответа.

— Я не знаю, кто это, — в конце концов произнесла она, отчего темные брови Мэда поползли на лоб.

Кто-то из студентов тихо засмеялся, поднялся приглушенный гул. Маркус склонился к Фэйт и что-то зашептал ей на ухо, но, даже получив подсказку, она не стала озвучивать ответ. Она что, издевается? В Корвине понемногу начало вспыхивать недовольство.

— По-твоему, это смешно? — серьезно спросил он, глядя в ее глаза.

Она не отводила взгляд, и на ее лице читалась явная досада. Вот только на кого?

— Я не смеюсь, — ответила она, вздергивая подбородок.

Зато остальные в открытую потешались над ней. Особенно старалась Анна Эллингтон, нагло тыча в девушку пальцем.

— Это каменный буфон, — громким шепотом повторил для Фэйт Маркус.

— Да что вы от нее хотите, мастер Корвин? — не выдержала Анна. — Она дикарка! Как только говорить научилась в этой своей глухости?

Взгляд Фэйт на мгновение метнулся к первородной, но затем снова вернулся к глазам Мэддокса. Он не понимал, что за игру она затеяла и почему отказывается назвать самое простое, самое известное в империи существо. Затылок закололо от тихого бешенства.

— За непослушание и отказ отвечать на вопросы мастеров вас ждет отработка, — отрезал он, полоснув девушку взглядом. — Граймс садится, Эллингтон отвечает.

— Каменный буфон, — на миг закатив глаза, сказала Анна. Фэйт же заняла место рядом с Маркусом и сжала в пальцах костяной стилус. — Чем-то похож на обычную жабу, но не совсем. Ценится за свою прочную шкурку, из которой часто шьют защитные жилеты. А еще из его желез выделяется особый пот, в котором содержится галлюциногенное вещество.

— Верно. — Мэд до боли сжал челюсти, ощущая к Граймс едва ли не обиду. Она так ярко заявила о себе на занятии у Армурсена, но почему решила забить на его предмет? Счи-

тает это ненужной ерундой? Ей же хуже. Он не спустит с рук такую наглость. — Переходим к следующему животному.

Корвин спросил каждого студента, и каждый знал ответ на его простейшие вопросы. Он дал Фэйт еще один шанс, и снова она заявила, что не знает. Мэд больше не удостоил ее взглядом, лишь резким жестом велел опуститься на скамью. В конце занятия у них осталось время набрать жабыей слизи для Чипли, и Мэд медленно шел вдоль рядов, следя за действиями студентов. Первородные кривились, но с задачей справились довольно быстро. Остальные тоже наполнили крошечные флаконы, и только у Фэйт он остался пустым. Ее жаба пропала, и девушка никак не могла ее найти.

Мэддокс потерял терпение одновременно с резкими ударом гонга, возвещавшим о завершении занятия.

— Все свободны. Граймс, после ужина — на отработку, — рявкнул он и захлопнул за собой дверь.

☼☼☼

Триумф Фэйт на занятии по рукопашному бою сменился позором в аудитории мастера Корвина.

Мойра побледнела от злости на саму себя и шла в следующий зал, не замечая ничего вокруг. Она правда не знала названий всех этих существ, хотя некоторых видела в книгах Верховных мойр, но ни за что бы не вспомнила их характеристик. Это был полный провал. Мало того, что она не знает зверей империи, она, как оказалось, отталкивает их. По крайней мере, жаб. Ее склизкое существо дало деру, стоило Фэйт протянуть к нему руку, притом что жабы остальных студентов словно вообще забыли, как шевелить лапами.

— Жестоко ты с ним, — услышала она бархатный мужской голос слева от себя и быстро вскинула голову.

С ней поравнялся Соломон Блэккридж и улыбнулся одним уголком губ. Фэйт оглянулась, готовясь увидеть позади Анну, которая наверняка придумала для нее какую-нибудь каверзу. Но сзади никого не оказалось.

— Кого-то ищешь? — уточнил парень.

— Твоих друзей, — не стала юлить Фэйт. — Про кого ты говорил?

— Про Корвина, — пожал он плечами. — Ты показала ему, что зверинец — не то место, куда ты готова войти. Честно говоря, мне это тоже не интересно. Я не горю желанием становиться всадником.

— Мастер Корвин из таких?

Соломон кивнул.

— Говорят, он очень неплох, несмотря на возраст. Попадал в серьезные заварушки. Но среди моих предков мастеров по зверям не было. Только военачальники.

— И ты собираешься пойти по их стопам?

— Хотелось бы, — улыбнулся Соломон, и Фэйт с трудом отвела взгляд от его лица. Он вдруг посмотрел в ее глаза, на миг смутился и добавил: — Ты была хороша у Арморсена. Это правда. Мне есть, с чем сравнить.

— Спасибо, — подумав, ответила мойра. — Но разве ты не должен ненавидеть меня так же, как твой друг или Анна?

Он фыркнул.

— Как по мне, Рокко подобная встряска только на пользу. Да и с чего бы мне испытывать к тебе ненависть? Наоборот. Я бы и сам с удовольствием стал твоим партнером по поединку.

Он подмигнул ей и ускорил шаг, вскоре поравнявшись с Магнусом. Тот с недовольством покосился на Фэйт и что-то сказал другу. Должно быть, отчитывал за общение с той, кто унизила их дружка. Но о Рокко Фэйт уже не думала. Ей было стыдно за свое невежество перед

Корвином, а еще она первая из всей группы получила наказание и сегодня вечером отправится на отработку.

Интересно, что могло случиться на оставшихся двух занятиях? Их ждали яды и внушение. Неужели остальные и в этом разбираются так же хорошо, как в зверях?

Глава 10

Агнесс Чипли встретила их улыбкой, показавшейся Фэйт несколько неестественной. В полутемном кабинете столы были расставлены полукругом, а в центре стоял длинный стол мастера по ядам. Стену позади заняли широкие деревянные полки с различными склянками и тканевыми мешочками, а также стеклянные банки с засушенной живностью и камнями всевозможной формы.

Новобранцы расселись, и как-то так вышло, что места по правую и левую руку от Фэйт заняли Маркус и Мэри. Первородные сели поближе к Чипли: то ли пытались выслуживаться, то ли были с ней знакомы.

Фэйт не знала, чего ожидать. Умеют ли все эти студенты смешивать яды? Знают ли каждый ингредиент в этом кабинете? Потому что мойра не знала о ядах ровным счетом ничего.

— Какой же любопытный набор в этом году, — радостно пропела Агнесс, обводя взглядом студентов. Остановив его на первородных, она трескуче добавила: — Какой сильный состав! Император будет в восторге. И, к слову, мой предмет тесно связан с армией Черного Солнца. За время обучения вы научитесь искусно обращаться с самыми коварными ядами, сможете составить для себя исцеляющие зелья и мази — что крайне важно в период нахождения в полях, а также попробуете смешивать противоядия. Вам же известно, что укусы многих тварей, примкнувших к экзорам, смертельно опасны? То-то же. — Она раскинула сухие руки в стороны, словно собираясь обнять своих студентов, и глаза ее торжественно блеснули. — А еще вы воспроизведете те самые яды, выделяемые монстрами на службе экзоров, и примете их. — Она легко рассмеялась, соединив ладони, которые быстро скрыли широкие рукава ее свободной накидки. — Вы должны на собственном опыте уяснить, как на вас подействует укус той или иной твари.

— Это ведь очень опасно, — вырвалось у Маркуса, но он тотчас пожалел о сказанном.

Магнус переглянулся с сестрой Анной и с презрением процедил:

— Ты и правда получил метку на запястье или тупо нарисовал ее сам, ссыкло?

Пальцы Фэйт начали сами собой сжиматься. Она ощущала волны злости и подлости от всей этой четверки, разве что, возможно, за исключением Соломона, и эти сильные эмоции действовали на нее странно.

— Ну-ну, студент Эллингтон, — мягко похлопала его по плечу Чипли, — страх лежит в основе самозащиты. Именно он велит спасать свою жизнь. А яды могут оборвать ее в любой момент. Но не волнуйтесь так, новобранец Каллахен, мы начнем с крошечных доз, и то не сегодня. Это занятие я посвящу знакомству с особым отрядом императора. Его символ — готовая к атаке змея.

— Орден змей — не так уверенно, как на занятии у Мэддокса Корвина, произнес Маркус.

— Верно. Это название отряда воинов, славящихся искусностью в приготовлении зелий. И даже если сейчас вам кажется, что вы этим умением не владеете, поверьте, я смогу раскрыть ваш дремлющий талант.

Чипли поведала новобранцам о пользе «змей», смешивающих для воинов смертельные яды, которыми солдаты смазывают свое оружие. Но мастера по ядам не только создают всевозможные снадобья, они еще и хорошие лучники, а их стрелы, также несущие в себе умертвляющие зелья, неизменно поражают летающие цели — крылатых тварей, рожденных в Доминате. Некоторые члены отряда «змей» также становились лекарями, без которых не обходилась армия императора. Чипли выдала им книги зелий и велела заучить самое первое и самое легкое — то, которое имитировало укус летучего аспида. Эта тварь была похожа на небольшую ящерицу с кожаным капюшоном вокруг шеи и кожистыми крыльями. На следующем занятии

они должны были смешать все компоненты яда, эффект которого был очень схож с вкусом аспиды. А также знать, как составить противоядие.

Перед последним занятием у них выдалось немного свободного времени, и Фэйт решила не терять его даром.

— Вы пробовали смешивать яды? — поинтересовалась она у Мэри и Маркуса.

Они вновь тащились за ней, словно так и надо.

Длительная пауза позволяла выйти из здания Академии и пройтись по лужайке, а еще издалека понаблюдать за окруженным оградой зверинцем.

— Никогда, — покачала головой девушка. — Но бабушка учила меня готовить мази от ожогов.

— Зачем нам в домах яды? — пожал плечами Маркус. — А вот целебные снадобья и правда нужны. Я неплохо разбираюсь в лечебных травах и могу составить сбор от мышечной боли.

— Ясно, — протянула Фэйт.

Ей целебные мази не были нужны, поскольку все ее раны залечивал Трион. Но в империи эти знания очень бы ейгодились.

— А что насчет внушения? — продолжила допытываться мойра. Ей не хотелось вновь угодить лицом в грязь, как это получилось на занятии у Корвина.

— О, это очень редкий талант, — выдохнул Маркус. — Говорят, Эмирея Нозис сразу видит, у кого есть к нему предрасположенность, но думаю, что в основном она будет над нами измываться...

— Как вообще его развивать? — задумалась Фэйт.

— Для начала нужно понимать, насколько сильно твое внутреннее сопротивление гипнозу, — пожал плечами Маркус. — Если человек способен противостоять ему, значит, скорее всего, сможет и сам овладеть этим искусством.

— Это все так сложно, — вздохнула Мэри. — И непонятно. За исключением боевой подготовки и изучения зверей. Фэйт, у тебя, наверное, все отлично с целебными снадобьями? Ты ведь живешь...

— В глуши, — продолжила за нее мойра.

— Ну да. Как же вы там лечитесь?

— А мы и не бодем.

Маркус и Мэри непонимающе переглянулись.

— Это шутка? — робко уточнил парень.

— К сожалению или к счастью, нет, — вздохнула Фэйт.

— Ну а как же звери? — спросила Мэри. — Разве в ваших лесах их совсем нет?

— В каких лесах? Я живу в горах, — проворчала Фэйт. — Очень высоко. Жаб там уж точно не бывает.

— Но ведь у вас есть источник воды?

Мойра невольно вспомнила реки Триона.

— Есть горная река, — буркнула она, чувствуя раздражение от того, что приходится водить их за нос.

— А рыба в ней водится? — любопытствовал Маркус.

Ответить Фэйт не успела. Кто-то со всей дури пихнул ее в спину, и она инстинктивно выставила руки, оказавшись на траве.

— Смотри, куда прешь, — звонко выкрикнула Анна, стоя рядом с братцем.

Похоже, именно он толкнул мойру, но молча сносить это она не собиралась.

Гнев вспыхнул в груди, обжигая горло. Сначала Фэйт машинально потянулась к поллой трубке на ремне — своему копыю, но вовремя опомнилась. Она справится и без него.

Магнус же тем временем уже развернулся и сделал несколько шагов прочь от нее, но Фэйт не собиралась нападать со спины.

— Эллингтон! — раздраженно крикнула она. — Звание «ссыкло Академии» все же принадлежит тебе, а не кому-то другому, я правильно поняла?

Он вынужден был остановиться, по-другому и быть не могло. Ведь на них уже глазели другие студенты, не готовые пропустить ни секунды этого зрелища. Фэйт не хотела привлекать к себе внимание, но Магнус не оставил ей иного выбора. Да и себе тоже. Теперь он либо останется ссыклом, что, как Фэйт поняла, означало трусливую душонку, либо сделает нечто, чтобы не запятнать свое имя.

На долю мгновения в глазах Эллингтона мелькнула тревога. Быть может, он вспомнил, как Фэйт сражалась с Рокко — новобранцем, которого пророчили в будущие императоры. А он явно уступал ему в мастерстве.

— Закрой свой рот, деревенщина! — с ледяной злобой процедил он. — Как ты смеешь так разговаривать с первородным?!

— Ты трусливое ничтожество.

— Фэйт... — робко подал голос Маркус. — Если ты из-за меня, то не нужно.

— Он ее толкнул, идиот! — прошипела Мэри.

Оружия при себе ни у кого из них не было, но Магнус откуда-то достал нож и ринулся напрямик на Фэйт с гневным рыком. Маркус и Мэри шарахнулись в стороны, оставляя вокруг мойры пустое пространство для маневра. Руку Эллингтона с зажатой в ней рукоятью ножа, мойра блокировала локтем, а вторую вскинула, ударяя первородного в нос.

Брызнула кровь, и Эллингтон отшатнулся, роняя нож.

— Сука! — прогундосил он, а Анна схватила его оружие и выставила перед собой.

— Что тут происходит?! — рявкнул уже знакомый Фэйт голос. Она обернулась и увидела взбешенного Мэддокса. — Эллингтон, опустить нож!

Анна послушалась, а Магнус отнял руку от лица. Фэйт бросила на него мимолетный взгляд, оценивая урон. Он был несущественным. Подумаешь, кровь пошла из носа.

— Жду объяснений, — строго произнес мастер Корвин.

Все молчали. Что мог сказать ему Эллингтон? Что напал на девушку со спины, а потом накинута с ножом из-за слов о его трусости?

— Разговаривать разучились? — не сводя глаз с Фэйт, сказал Мэддокс.

Она перевела на него взгляд и с трудом сглотнула. Вновь он недоволен ей. Кажется, к первородным врагам она добавила себе еще и недруга среди мастеров.

— Тогда вам стоит как можно скорее вспомнить все навыки общения, — добавил он. — Потому что ваше следующее занятие начнется через две минуты. Разошлись по аудиториям! Живо!

☼☼☼

Поведение Эмиреи Нозис совсем не походило на манеру преподавания Чипли. Мастер по внушению смотрела на новобранцев строго и в то же время проницательно. Каждый студент удостоился ее внимания, а Фэйт, ощутив на себе ее тяжелый взгляд, внезапно запаниковала. Что, если эта женщина узнает ее секрет? Что вообще такое этот гипноз? Нет, она понимала, что это, своего рода, подавление воли, но, ощутив это на себе, не разболтает ли Фэйт о том, что рождена мойрой? Клото ясно дала понять, что эту тайну нужно беречь так же, как собственную жизнь.

— Внушение — это не магия, — негромко, но весомо прозвучали слова мастера. — Это скрытые ресурсы вашего организма. Это особая власть над собственным телом и разумом, доведенная до предела. Развить эту способность можно, но сил придется приложить даже больше, чем в рукопашных боях.

В глазах Анны зажегся огонек восторга. На Эмирею Нозис она смотрела с благоговением и то и дело ерзала на стуле, словно жаждала как можно скорее овладеть внушением. Фэйт заметила эту суету, и ей стало не по себе.

— Но, должна предупредить, что одаренных среди всей сотни отобранных будет немного. Обычно едва ли набирается десяток. И это в лучшем случае. Да, внушением овладеют не все. Но все должны научиться сопротивляться ему.

— Зачем? — подал голос Соломон. — Разве возможно сопротивляться внушению императора?

Мастер Нозис вскинула бровь.

— Разумеется, нет. Император — единственный человек в нашем мире, обладающий божественной силой. Я вела речь об экзорах.

Маркус кивнул собственным мыслям и нахмурился, а Фэйт задумалась, вспоминая все то, что читала об этих очень похожих на людей существах. Они высасывали жизненные силы не только из человека, но и из зверей и даже земель.

— Находясь к жертве слишком близко, — продолжила мастер, — экзоры могут воздействовать на нее, замедляя реакции и инстинкты. Человек словно впадает в ступор и теряет драгоценные секунды, за которые может сбежать от этого хищника. Экзор как бы внушает ему свою волю: замереть, не сопротивляться, отдать ему свою жизнь. Внушение усиливается с числом экзоров — чем их больше, тем сложнее противостоять.

— Каким образом происходит внушение? — подняв руку, спросила Фэйт.

Перед ней на столе лежало изображение бледного экзора с мускулистым телом и почти человеческим лицом.

— Экзоры не общаются словами, — ответила Нозис, но прежде несколько секунд внимательно разглядывала Фэйт, будто пытаясь залезть к той в голову. — Они издают шипящие звуки. Это их язык. Чем-то похожий на змеиный. Лишая человека воли, они начинают «говорить» тише, протяжнее, спокойнее. Эти звуки вводят в транс. Подавляют разум. Но не все экзоры способны на это. Вероятно, лишь самые сильные особи.

— Давайте скорее перейдем к практике, — едва не подпрыгивая на месте, выпалила Анна.

Нозис и ее одарила проницательным взглядом, но на лице женщины не отразились никакие эмоции.

— Практики будет много, — наконец кивнула мастер. — И самой разной. Но начнем с демонстрации. Мне нужен один доброволец. Кто готов продемонстрировать на себе воздействие внушения?

Фэйт точно не собиралась поднимать руку. Остальные тоже побаивались, но внезапно Анна встала с места и подошла к мастеру, откинув за спину тяжелые длинные волосы. Она была хорошенькой и гибкой, и многие парни на нее засматривались.

— Замечательно, студентка Эллингтон. Присядьте на этот стул, — указала она в центр аудитории, — и закройте глаза. Расслабьтесь. — Эмирея делала паузы между словами, давая Анне время исполнить приказ. — Не думайте ни о чем. Не тревожьтесь. А теперь представьте черный лабиринт. Его проходы разветвляются и ведут в разные стороны. Они длинные и широкие, и вы легко можете по ним бродить. Вы трогаете стены, и они теплые наощупь.

Пальцы Анны дрогнули, словно она и правда коснулась ими стен лабиринта.

— Вы идете уже довольно долго. Но совсем не устали. Вскоре вы достигнете самого центра вашего лабиринта и увидите холщовый мешок. Подходите ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.